

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.com

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

Приятного чтения!

https://royallib.com/book/gdanpushkin_oleg/priklyucheniya_cheloveka_pohogego_na_evreya.html

Олег ЖДАН-ПУШКИН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА, ПОХОЖЕГО НА ЕВРЕЯ

Повесть

Я не знал об этом, пока не женился. Точнее, пока Катя однажды не поинтересовалась: а почему ты не обрезан? Что? Не обрезан? Я? Ты что? С какой стати?

Она молчала. Пошутила? Но особенной склонности к юмору за ней не наблюдалось. Я даже приподнялся, чтобы взглянуть на нее. Но ничего не отражалось на лице. Я рассмеялся.

— Ну ты и придумала.

Светало. Ночь была с субботы на воскресенье, торопиться незачем, и мы провалялись, то обнимаясь, то опять засыпая, почти до полудня, пока невыносимый голод не поднял с постели. Катя начала делать блинчики, я помчался в магазин за сметаной, а когда вернулся, первый блинчик, сдобренный маслом, накрытый полотенцем лежал, на столе.

— Твой, — сказала она и улыбнулась.

Смысл ее улыбки мне был понятен. Блинчики наше дежурное блюдо по субботам и воскресеньям, и она всегда говорила: «Твой». — «Почему?» — уже догадываясь, однажды спросил я. «У тебя большой расход энергии», — сказала она и покраснела. Да, в те благословенные времена она краснела. Ну а я, действительно, энергии не жалел. Теперь не то, не то... Но первый блинчик все равно мой.

Ну а тогда я мазнул его сметаной и, разорвав на две части, подал ей.

— А у тебя... у тебя. — ничего не придумывалось, я мычал, тянул время, а она даже перестала жевать, ждала. — Нежность и есть энергия, — наконец пробормотал я. — Особый вид. Может быть, самый продуктивный. Точнее, ее истечение. Еще неизвестно, когда и от чего расход большой. — Не знаю, понравилась ей или не понравилось, но кивнула и плеснула на сковородку тесто.

В те времена мы были весьма охочие к таким разговорам, намекам и шуткам.

Больше о моей необрезанности она не вспоминала, я тоже, как говорится, не возбуждал эту тему, но и не забывал.

Неплохое было времечко, что ни говори. Оно и сейчас неплохое, но. Теперь оно совсем другое.

У нас была однокомнатная квартирка на шестом этаже с видом на озеро и яблоневый сад, и мы могли обниматься и целоваться, не зашторивая окно. Могли делать все, что подскажет и потребует нежность. Но вот интересно: делали все что хотели, но если говорили об этом, Катя краснела.

Недели через две, и тоже, разумеется, на рассвете, я не выдержал:

— Так что ты тогда говорила о моей. о моем.

Интересно, что она сразу поняла, о чем я. Нет, интересное было время!

— Ну как же, ты ведь еврей? — спросила, утверждая.

— Я? С чего ты взяла? Разве я похож на еврея?

— Конечно.

— Чем?

— Ну. кудрявый. опять же, нос с горбинкой.

— Славяне не бывают кудрявыми? Кстати, нос у меня римский.

— Нет, — сказала она.

Тоже характерно для нее. Нет — и все. Можешь долго говорить о чем-либо, убеждать, доказывать, она будет внимательно слушать, кивать, а в результате — нет и все. До свидания, до новой встречи. Так что тема была как бы закрыта. Да и какая мне разница? Еврей, белорус, русский. Да хоть крымский татарин. Нежность, и только она, которую мы испытывали друг к другу, вот что имело значение.

Разговор этот забылся или подзабылся, как вдруг Катя спросила: «У тебя мама или отец еврей?» От такого вопроса я, как говорится, впал в ступор. Три минуты ничего не мог ответить. «Ты это серьезно?» — спросил и посмотрел в ее лицо: шутит или. Или что? Может, в нашей жизни возникла проблема, а я ее не заметил, не почувствовал? Может быть, я как-то обидел, задел самолюбие и теперь она ищет способ отплатить мне? Известно ведь, национальность — бесспорная ценность, и отказать или усомниться в твоей принадлежности к определенному роду-племени — обидеть или даже оскорбить человека. Я пытался заглянуть ей в глаза, но разговор происходил на кухне, она смотре-ла на разделочную доску, а не на меня, и понять что-либо было нельзя.

— Ладно, — сказал я мирно, словно признавая поражение. — Но какая тебе разница?

— Да нет. Никакой разницы.

— Тогда почему спрашиваешь?.

— Так. Просто интересно. Все же евреи, они.

— Ну?

Она пожала плечами.

— Друзья у тебя евреи.

— А русских и белорусов среди моих друзей нет?

Она не отозвалась.

Между прочим, в Тбилиси ко мне обращаются на грузинском, в Ташкенте на узбекском, в Душанбе на фарси, — в общем, этакая евро-азиатская внешность.

Короче, она своего добилась: я начал сомневаться. Больше того, я начал чувствовать в себе еврейство. Что это такое, не представляю, — возможно, то, что и вовсе не существует, есть только слово, термин без определенного содержания. Однако здесь проходила черта оседлости, и в нашем роду вполне могла быть растворена еврейская кровь.

Милая моя мама тогда была еще жива, и я решил:

— Мама, в нашем роду не было евреев?

Она очень удивилась.

— Нет, не было. Только белорусы и русские. А что такое?

— Кое-кто считает меня евреем.

— Тебя? Странно. Что ж, это неплохо. Евреи умные. И своих не броса-ют в беде.

— А русские бросают?

— Да уж всякое было.

Размышляя обо всем этом, я вспомнил квартирную хозяйку моего друга Рудика, тетю Меру. Она без причины мне симпатизировала, а как-то при-гласила в свою комнатку и показала семейный альбом, в котором хранились снимки нескольких поколений, были там и раввины, и учителя медресе, и военные, а главное — фотографии двух внучек тети Меры, Марты и Нели.

— Ого, — сказал я. — Хорошенькие!

Взглянул на тетю Меру и увидел, что она уже просто с любовью смотрит на меня. Как же, будущий зятек! Впрочем, я ошибался.

— Приходи в воскресенье, — сказала она, — я вас познакомлю. Девоч-ки — чудо!

И я пришел — было любопытно. Что ж, и в самом деле, девочки оказа-лись — красотишки. Особенно понравилась мне Марточка, чем-то похожая на Ахматову на известном портрете Натана Альтмана, такая же горбоносенькая, тонкая. Да и Неля — в порядке.

Думаю, и они отнеслись ко мне благосклонно, по крайней мере, как только я предложил пойти прогуляться, согласились тот-час. Стояла осень, бабье лето, мы ходили по набережной Свислочи, кормили уток, собирали облетевшие листья, я острил как никогда раньше, девочки охотно смеялись, а я время от времени гадал: какая из них мне больше нравиться? Может, все же пышка Неля?

Однако выяснить это мне не довелось. На другой день, когда я опять заглянул к Рудику, тетя Мера спросила: «Ну, как мои девочки?» — «Краса-вицы», — ответил я. Она с сожалением поцокала языком. «Жалко, что ты не еврей, — сказала. — Жениться надо на своих. В семейной жизни вообще хва-тает проблем, а тут еще эта.» Больше она меня не приглашала: похвалилась и хватит.

Есть у меня довольно близкий приятель еврей. С ним я и решил поде-литься.

— Знаешь, — сказал, — меня, оказывается, принимают за еврея.

Он быстро взглянул на меня и рассмеялся.

— Не нахожу, — сказал. — Хотя. Я был в Израиле, там евреи и черные, и белые. Какие хочешь. Есть вполне славянские лица. Ну и как тебе быть евреем?

— Ну. С одной стороны, зачем мне это? С другой, даже интересно. Они считают меня умнее, чем я есть.

— Понятно. Но это сказка, что евреи умнее. Есть, конечно, отличитель-ные национальные черты: активность, может быть, тревожность. Многие считают — хитрость. Но это неправда. Есть, конечно, евреи хитрые, но есть и простодушные. Вспомни Исава, Иакова и чечевичную похлебку. Конечно, отличие от других наций есть. Не знаю. Но не ум. Интеллект у всех наций одинаков. Да и вообще судить о нациях в целом невозможно, разве только хочешь сказать комплимент или оскорбить. А хочешь, свожу тебя в сина-гогу?

— Зачем?

— Ну. Ты же пишешь рассказы. Может, пригодится.

И в ближайшую субботу отправились.

У моего друга здесь оказалось немало приятелей: радовались встрече, разговаривали, и он знакомил меня. Причем, представляя, говорил: писатель, и все с любопытством поглядывали на нас. До сей поры меня так не пред-ставляли, и мне это нравилось. Говорили о событиях в Израиле — последнем теракте в Нетании, а я помалкивал. Друзей или хотя бы знакомых на тот момент у меня там не было, что я мог сказать? День оказался учебный, моло-дежь учила иврит, и мы скоро ушли.

— Как понравилось? — спросил он по дороге. — Иврит не заинтересо-вал? Можешь записаться, они только начинают курс.

— Зачем мне иврит?

— Ну как же. Кто знает? Если захочешь в Израиль.

— Что мне там делать?

— Пройдешь гиюр, найдем тебе красивую евреечку, если жена откажется ехать. Легализуем.

— Что такое гиюр?

— Превращение нееврея в еврея. Но дело это серьезное. К примеру, нару-шишь шаббат — субботу, седьмой день Творения, — будешь бит камнями.

— Ты это серьезно?

Я, конечно, не поверил, но. гм.. Мы тогда очень мало знали о жизни в Израиле. Камнями, разумеется, не побьют, но. В общем, интересно полу-чится.

— А ты думал! Когда это я шутил?

Тут дело в том, что он шутил всегда. По крайней мере, глаза всегда сме-ялись.

Я уже знал, что он собирался на ПМЖ в Израиль. И очень скоро мне дове-лось провожать его. Думаю, стало не до шуток.

О, это было что-то. Происходило сие в те годы, когда отъезд за границу еще считался поступком антиобщественным, даже антигосударственным, когда репатриантов осуждали на

общих собраниях и увольняли с работы, как только узнавали о намерении, — но не о том речь. Перед отъездом все они распродавали нажитое, но многое и везли с собой, сдавали в багаж, и багажи, конечно, были огромные. И как же рвали у них деньги наши люди, от которых зависели отъезжающие! От грузчиков до чиновников. Бесцеремонно, нагло. К примеру, приемщики багажа то исчезали без причины, то объявляли пере-рыв, то вообще угрожали концом рабочего дня. Как унижали!.. Однако никто ничего не требовал, не возмущался, словно жили уже в чужой стране и не имели никаких гражданских прав. Собственно, так и было: уже в чужой, уже без прав. Терпение — вот что запечатлелось в их лицах. Терпение, терпе-ние и терпение. То же и на лице моего друга. Никакого юмора, только терпе-ние. Как хорошо, что я не еврей, — подумалось мне тогда, — и мне не надо в Израиль на ПМЖ.

Мой друг был заядлый книжник, все шкафы и антресоли были забиты хорошими изданиями, но с собой все это безнадежное богатство не повезешь, и перед отъездом я помогал ему сдавать книги в букинистический. Посто-ять пришлось долго: очередь. Уже тогда я заметил это выражение на лицах: терпение. А что делать? Не надо было приобретать правдами и неправдами собрания сочинений, энциклопедии, справочники, альбомы. Что вы, все это прочитали? Смешно. Теперь вот расхлебываете. Хотя, конечно, и русские с белорусами хороши, тоже занимали с вечера очереди. Как же, Пастернак, Солженицын, Булгаков. Или хотя бы Трифонов. В очереди мы заметили двух знакомых писателей, один молодой, другой старый, кажется, родствен-ники. Старый писал стихи на идиш («Смотрю я в зеркало порой: что птица Хайм, ты все еще живой?»), молодой «городскую» прозу на русском — оба довольно известные. Молодой — я не раз читал его рассказы, и они нрави-лись мне — собирался уезжать, старый сопровождал его. «Хорошие писате-ли уезжают — жалко», — произнес я дружеский комплимент. «Бог с ними, с писателями, — отозвался старый. — Читатели уезжают — вот беда. Кто будет покупать наши книжки?» Наши — значит также и мои, то есть он знал о моих рассказах и сейчас дал знать об этом. Я был, конечно, польщен, хотя книжек у меня пока не имелось. Этот писатель, видно, на ПМЖ не собирался. И то верно: по слухам, писатели, музыканты и художники в Израиле были не нужны, тем более старые, с избытком хватало молодых и местных.

Вскоре начался распад Советского Союза. Газета, в которой я работал, прекратила существование одной из первых. Коллектив у нас был небольшой, человек пятнадцать-двадцать, всем выплатили зарплату за три месяца, и мы почти весело, по крайней мере, беззаботно простились. Были уверены, что работу найдем. Однако на ладан дышали многие газеты и журналы, и устро-иться даже в самую захудалую не удавалось. А деньги кончились очень скоро: начиналась гиперинфляция. Некоторое время я зарабатывал извозом, мотаясь по городу на своих «Жигулях», безотказно ездил в любой конец города, но однажды некая пьяноватая компания попросила отвезти к черту на кулич-ки — в Шабаны, и я отказался.

— Мы тебе хорошо заплатим, жидок, — вполне доброжелательно произ-нес один из них.

Я удивился, рассмеялся и от удивления согласился ехать. Они оказались словоохотливыми и тему продолжили. Даже заспорили между собой: можно говорить «жид» или нельзя. Причем эрудированные утверждали — можно, дескать, в какие-то времена только так и называли евреев, а деликатные — нет, нельзя, это обидно, и мало ли как кого называли когда-то.

— Тебе, друг, обидно? — зывали ко мне.

— Да нет, я. Хотя. — я оказался в легком затруднении. Заявить, что я не еврей, — но какая мне разница? Согласиться — вроде как самозванство. Но было интересно.

— Обидно, — сказал я. — Если бы не было слова «еврей», это одно. А если есть.

— Ну, что я говорил? — возликовал деликатный. — Человек поедет в Израиль и скажет там! Друг, поедешь?

— Поеду, — я вошел в роль. Значит, такой у меня фенотип. — Там хорошо.

— И я бы поехал, — заявил эрудированный. — У них порядок, не то что у нас. Опять же, американцы помогают.

— Американцы! Да что американцы! На американцах где сядешь, там и слезешь!

Начиналась новая тема, даже кричать стали друг на друга, понятно: политика — дело принципиальное.

Наконец добрались до Шабанов, стали прощаться. Сидевший сзади эрудит перевалился через спинку сиденья и стал целовать меня в ухо. Расстались друзьями. Хорошие рабочие парни. И заплатили неплохо.

Вернувшись домой, я рассказал об этом Кате. Она выслушала с интересом.

— Ну вот, — сказала. — А я что говорила?

Между прочим, произошел еще один интересный случай, когда из Шабанов возвращался домой. Проголосовал парень в районе автозавода. Сел, приказал ехать в Юго-Запад. «Нет, не могу, — возразил я. — Мне в другую сторону». — «Не можешь? Ты, жидок, делай, как говорят. А то — вот», — и показал мне нож. «Нож? Это другое дело, — согласился я. — Тогда поедем. А выпить будет?» — «Найдем». — «Тогда годится. Какая улица? — Он назвал. — Вот только хорошо бы девок взять», — сказал я. «Возьмем», — уверенно заявил он. Тут показалась остановка автобуса и на ней несколько девчат. «Вот хорошие девки, — сказал я. — Иди поговори с ними». А как только вышел, ударил, как говорится, по газам. И долго смеялся, представляя его возмущение и разочарование. Рассказал об этом случае Кате, дескать, вот я какой находчивый, но Катя нахмурилась: она протестовала против моих поездок. Но ведь как-то я должен зарабатывать?

Вообще, скажу вам, пренеприятное это чувство и состояние — безденежье. Меняется все: поведение в семье, отношение к друзьям, если у них все более-менее благополучно, к прошлому и будущему, даже к самому себе. Не говоря уже о таких деталях семейной жизни, как периодическое желание близости с родной женой. Чувство такое, будто вот этого-то удовольствия ты и не заслужил. Да и роль в семейной жизни меняется. Еще вчера ты был успешным человеком, творческой личностью, работал в газете, на досуге пописывал рассказы, а сегодня чистишь картошку и испытываешь нечто вроде удовлетворения: пригодился. Хорошо бы сделать еще что-то, более важное, например, косметический ремонт квартиры, поскольку есть время, но. Хорошо бы сделать подарок жене, например, купить билеты в Оперу, но. Хорошо бы, хорошо бы, хорошо. Оказалось, вся жизнь упирается в деньги. Нет, не презренный, а ненавистный металл. И горячо любимый. Говорят, что жара, сытость и сексуальное насыщение препятствуют творчеству. Да уж! А как насчет холода и голода? Или хотя бы недоедания? И вообще: нельзя ли творческие порывы отложить до лучших времен?

Очень скоро убедился я и в том, что деньги меняют отношения с друзьями. Сломалась моя машина, на ремонт требовались немалые — для меня — деньги. И я решил попросить в долг. У меня три друга разной степени близости. Начать я решил с менее близкого, Николая. Тут и встретил его у продовольственного магазина. «Не одолжишь ли мне на месяц полторы сотни долларов?» — спросил легко и небрежно, словно — закурить. И точно так он ответил: «Да что ты! Какие доллары? Вчера жена порвала колготки — купить не на что». И ушел, не взглянув на меня. Слава богу, что не взглянул, потому что вид у меня был жалкий. Вторым в приятельской пирамиде был Алек-сандр. Рассчитывать на случайную встречу не приходилось, поскольку жил он в другом районе, и я позвонил. До сих пор мы разговаривали редко, от случая к случаю, и он сразу насторожился. Поговорили об общих знакомых, о ситуации в стране, и я все время искал момент, когда удобно попросить денег. Но, похоже, он уже догадался, чего я хочу от него, и от такой темы уходил. Так я и не решился, поняв, что все равно не даст.

Но деньги были нужны позарез. Машину я в ремонт все же сдал, пора было забирать, но идти в СТО не с чем. Между тем мастер звонил уже два раза. Может быть, попросить у жены? Вдруг у нее что-нибудь припрятано на черный день. А если нет, ей проще попросить

под будущую зарплату. Одна-ко, как вам нравится мужчина, который просит денег у жены? Конечно, не на пиво или сигареты, но. «Нет, — покачала головой Катя. — Кто же мне теперь даст сто пятьдесят долларов? Это две, а то и три наших зарплаты... » В банке мне, безработному, кредит тоже не получить.

Можно было бы попросить у мамы, но дело в том, что я не признался ей, что стал безработным, хотя позже стало ясно, что она давно знает, сказала или как бы проговорилась Катя. Недаром же подкидывала время от времени сотню-другую. В конце концов, решил просить у самого близкого моего друга, у Вани. Не звонить, а идти к нему домой, не предупредив о приходе.

Конечно, он удивился. Были на то особые причины. Жена его, Стеша, удивилась еще больше и сразу заподозрила что-то неладное. Тем не менее, пригласила меня, как близкого человека, в кухню, заварила чай, поставила на стол хорошие конфеты, печенье, а Ваня достал бутылку водки. Выпьем? Отчего же. И выпили по рюмке, другой, а там и третьей.

Далеко не все наши сокурсники после окончания университета стали работать по специальности. Как бы не наоборот. Ваня, например, почти сразу устроился в некое рекламное агентство, неплохо зарабатывал сравнительно с другими однокашниками и пока был удовлетворен.

«Чем ты там занимаешься?» — спросил я как-то. Ваня махнул рукой: «Глу-постями». — «Но все же». — «Придумываю слоганы». — «Ну, например». Он рассмеялся и, кажется, смутился. «Не скажу». — «Почему?» Он помолчал. «На бигборды обращаешь внимание? Ну вот. Самый дурацкий — мой».

Стеша, увидев, что мы начали пьянствовать, успокоилась и ушла к теле-визору. И тогда Ваня сразу спросил: «У тебя дело?» — «Да. Мне надо сто пятьдесят долларов. Примерно на месяц. Газета наша приказала долго жить, и я теперь безработный». И далее — про автомобиль, про СТО. Просьба моя прозвучала требовательно, почти агрессивно. Он тотчас нахмурился, заглянул в зальчик, где смотрела телевизор Стеша, и сказал мне: «Идем». Мы вошли в его маленький кабинетик, Ваня поставил стремянку к книжному шкафу, достал какую-то книгу с верхней полки, кажется, что-то из классики, а в ней сто долларов. Переставил стремянку, снова поднялся и у другого клас-сика занял еще пятьдесят. Приложил палец к губам. Мы оба поулыбались: понятные мужские секреты. «Спасибо, — сказал я, прощаясь. — Дело в том, что.» — «Да ладно», — он улыбнулся и хлопнул меня по плечу. Дескать, объяснение — это извинение, а ему это ни к чему.

Я уже говорил, почему к Ване обратился в последнюю очередь. Но если откровенно, наши отношения совсем не просты, больше того, они зашли в тупик. Они были просты до определенного времени, если точно — расстрела в Москве Белого дома.

Мы редко говорили о политике — только вскользь касались тех или иных вопросов, не углубляясь, и потому не знали толком уровня разногласий. Или так: чувствуя глубину разногласий, уходили от них, чтобы сохра-нить дружбу.

Ваня родился в деревне. Его дед-бабка сполна хлебнули колхозного счастья, матери и отцу тоже досталось. Ваня до сих пор помнил их обиды и слезы, и слово власть для него было определенно ругательным, символом несправедливости, но то — местная, колхозная и районная власть, а вот власть советская — это надежда и правда. Отсюда и уважение к большевиз-му и партии. Он был активным комсомольцем, постоянным членом каких-то комитетов и бюро, намеревался вступить в партию, но — не успел: в Москве коммунисты начали принародно жечь партийные билеты.

Мою мать, теток и дядьев, деда с бабкой советская власть тоже не обошла стороной, впаяла и влила полной мерой, но тут для меня утешение было про-стым: наконец-то и она получила по заслугам.

В общем, этих тем мы старались избегать, Ваня терпеливо молчал, если я начинал осторожно посмеиваться над его идеей, я — когда он иронизировал над понятием демократии. Когда коммунисты на митингах стали рвать и жечь партбилеты, мы вполне сошлись в мнении: стыдно. И тем, кто выступает с речами, и тем, кто смотрит на все это и

слушает. Со временем стало казаться, что разногласия наши поверхностны, что точек соприкосновения у нас больше, нежели разногласий, и видно, потому он пришел ко мне, когда танки Ельцина стали бить по Белому дому.

— Как тебе это нравится? — с порога злобно заговорил он. — Как это возможно? Где это видано? Что это, черт вас всех возьми?

Да, теперь всем — тоже и мне — ясно: преступление. Не все было ясно тогда. А как иначе их оттуда выкурить и вытурить? Они могут поднять пол-страны!

Имелся и личностный фактор: Ельцин. Опять же, теперь — ясно, а тогда. Слегка стесняясь, многие — я в том числе — с симпатией глядели на него: смелый, рискованный, уверенный. Кроме того, извечное обаяние физический силы и власти.

— Что ты молчишь? По-твоему, все хорошо? Так и должно?

Все это он произнес в прихожей, даже не сняв ботинки. Таким требовательным голосом никогда прежде не говорил со мной. Я почувствовал сильнейший укол агрессии и, чтобы не подчиниться порыву, сказал спокойно:

— Пошли на кухню, чаю попьем.

Если бы я в ответ ему заорал, выругался — все было бы нормально, получился бы хороший, более-менее принципиальный спор о том, кто виноват и что делать, но мой спокойный голос резко изменил его состояние. Он опустил голову и, будто из него выпустили воздух, обмяк:

— Да нет. какой чай. Я пойду.

И до сегодняшнего дня мы не встречались.

Стыд и с ним ручеек пота по спине я почувствовал уже на улице. Но и облегчение, радость. Вполне представлял его разговор со Стешей. «Чего он приходил?» — «Да выпить захотелось, а не за что». Вполне удовлетворительный ответ.

Машину я забрал, вертелся по городу по пять-шесть часов, но отдать долг не получалось. Я уже собрал большую половину суммы, как вдруг Катя захотела купить платье, — почти все и улетело. Наряды она покупает довольно дорогие, но редко, так что причины возражать у меня не было.

С Ваней мы живем недалеко друг от друга, ходим в один магазин — в общем, я стал ходить в другой, дальний.

— А знаешь, я не хотела бы жить в Израиле, — вдруг как-то особенно задумчиво произнесла Катя.

Есть у нее такая особенность: вдруг заговорит о том, о чем и речи не было. То есть что-то происходит в ее маленькой красивой головке, рассматриваются какие-то жизненные варианты, вполне фантастические, или выносятся решения по поводу людей и событий. Она не хотела бы жить в Израиле!

— Тебя туда пригласили?

— Нет, я к примеру. Летом там слишком жарко, зимой дома не отапливаются. Нет, не хочу.

— А в Арабских Эмиратах? В Таиланде? Бразилии? Где еще ты не хотела бы? Надо заранее сообщить, чтобы не надеялись.

— Все-таки нет ничего лучше родины.

О! Патриотическая тема нам по душе.

— Конечно, съездить туда было бы интересно.

— Съездим. Обязательно съездим, — согласился я, будучи рад, что не на ПМЖ, то есть не надо разводиться. Все ж таки я люблю ее. А тысячу — или во сколько может обойтись такая поездка? — как-нибудь насобираем. Хотя.

Тысяча! Даже сто пятьдесят долга не могу отдать. Больше пятидесяти не получается собрать. Тут еще дело в гиперинфляции. То, что вчера было сто, сегодня пятьдесят, а завтра десять. Даже самые малые деньги люди несут в обменники, бабули занимают очередь едва не с ночи, чтобы утром продать — тоже за гроши и копейки. Тысяча!

Вдруг принесли извещение, что на мое имя через Western Union пришел перевод — сто долларов — из Израиля. Сто долларов? Сто долларов! О Боже, что за чудо! Это, конечно, Арнольд, больше никому. А ведь мы были не так уж близки с ним, чтобы делать такие подарки. Катя обрадовалась и удивилась больше моего.

— Вот что значит еврей, — сказала и одобрительно посмотрела на меня.

Что ж, я этот незаслуженный комплимент принял.

— То-то и оно, — сказал я. — Вот именно. А ты думала. Это ты о чем? А, ну да. Само собой.

Вот как неожиданно просто решился вопрос. А полсотни мы уж как-нибудь наскребем. Тотчас помчался в Western Union. Ах, какая красивая купюрка попалась! Надежно запрятал во внутренний карман, чтобы, не дай бог, не потерять. Три раза ощупывал по дороге домой и радовался: хрустит!

Между прочим, приближалась зима. В тот же день Катя достала с антре-солей свои сапоги, долго рассматривала их, чистила, опять рассматривала и, наконец, сказала: может, ползимы и проношу.

Я понял. И сделал вид, что не расслышал.

Но не такова Катя, чтобы остаться непонятой.

— Я недавно заходила в ГУМ. Думаю, твой Ваня может и подождать. У них наверняка еще есть. Не последние же он отдал тебе.

Я промолчал. Может, и запротестовал бы, если бы не случай в универма-ге, в который мы зашли неизвестно зачем, денег у нас было только на овсянку. Побродив бесцельно по этажам и отделам, Катя направилась в отдел дамских платьев. Сказать, что выбор был большой, не скажешь, но несколько платьев ее заинтересовали. Она пошла в примерочную и позвала меня. И тут началось некое действие, театр мимики и жеста. Она одевалась-переодевалась, что-то невнятное проговаривала, улыбалась, изгибалась, чтобы увидеть себя в зеркале, губы ее шевелились, и наконец, вспомнила обо мне: «Ну как?» Я, конечно, кивнул: «Хорошо». И этого, как оказалось, довольно. Платье она возвратила на место и о каких-либо покупках не вспоминала до нынешнего дня.

На следующий день она позвонила мне из ГУМа.

— Ох, какие сапоги, — сообщила. — Плохо то, что осталась одна пара. Может, приедешь? Посмотрим вместе. Если тебе не понравятся, то и не надо.

Короче, обнимала она меня той ночью, как после долгой разлуки. Все ж таки женщины иные существа. Разве можно вообразить меня или иного муж-чину, который бы особенно нежно обнимал жену в благодарность за новые ботинки?

Да, нежность женщины — это здорово. Нет ничего важнее, милее и пре-краснее. Но как отдать долг? Прошло уже два месяца. Получается, что я, извините, протрахал сто долларов. Не много ли для безработного мужчины? Как-то грустно стало мне утром после счастливого пробуждения.

Вдруг я нашел простой выход: нужно перезанять у кого-нибудь. Хотя бы и под проценты. Почему нет? Время такое, все занимают, все платят. Но у кого? Может, у Васи Морозова? Мы с ним когда-то на четвертом курсе были на практике в многотиражке тракторного завода. На факультете Вася был человек тихий и незаметный, но в многотиражке неожиданно стал общим другом — веселым, общительным, и сразу, так сказать, затмил меня, хотя писал, на мой взгляд, неважно. Тупо. Но так ли это существенно на четвертом курсе?.. Существенно, что его пригласили в штат, он согласился, но в газете проработал недолго — год-два, и там же, на заводе, начал двигать по проф-союзной линии. Где он обретался нынче, я не знал, но телефон в записной книжке сохранился. Звонить, конечно, не хотелось. Я нарезал круги около телефона, не решаясь поднять трубку. Наконец решился. К телефону долго никто не подходил, и я уже чувствовал облегчение, — ну и не надо, но тут услышал: «У телефона». Если бы послышалось обычное «алло», наверно, и

разговор сложился бы по-иному. Но «у телефона» меня сбило с толку, я засуетился, заторопился, стал весело спрашивать о делах и жизни — и вместо ответа услышал: «А кто это говорит?» Это меня, как говорится, добило. Тем не менее, я сказал, что хотел бы встретиться. Дескать, имеется дельце. Не важное, но существенное. Или наоборот, не существенное, но важное. Нет, не так, и не важное, и не существенное, но.

— Если речь о деньгах, — услышал спокойный голос, — то у меня нет.

— Ну и прекрасно! — возликовал я, чтобы сохранить лицо. — У тебя нет и у меня нет, будем на равных! Разве деньги связывают однокурсников? Отнюдь, только однокурсницы! — Это я послал намек: все мы тогда были влюблены в наших — или не наших — сокурсниц. Это было предложение открыть старую тему и на этом завершить разговор. Глупость, конечно, но все же стоящая того, чтобы ее списать на мой не слишком удачный юмор. А вот чувства юмора у Васи было плюс-минус ноль, то есть на точке замерзания.

— Да. — озадаченно произнес он. — Конечно, деньги — это. угу. деньги. угу.

Зачем я звонил ему? Мы никогда не были настоящими друзьями, и телефон его оказался у меня по случаю. Впрочем, понятно: Василий стоял внизу приятельской лестницы, от него не слишком обидно было получить отказ. Даст денег — зауважаю, не даст — значит, жлоб, с наслаждением вычеркну в записной книжке. Я и не сомневался, что получу отказ. Тем не менее, было тошно.

Несколько дней я и думать не мог, чтобы опять кому-то звонить.

В то время в городе начались большие проблемы с бензином. По несколько часов стояли в очереди, чтобы заправиться, да и то — с ограничением, отпускали по двадцать литров, а то и по десять. Малолетние спекулянты предлагали канистры в два-три раза дороже. Приходилось, принимая пас-сажира, сразу же спрашивать, куда и за сколько, очень огорчительно было возвращаться порожним. Тогда и сел ко мне Роман Ткач, сокурсник, с которым я не виделся несколько лет, но узнали мы друг друга сразу. Помнится, он был легок в общении, говорлив и смешлив. Вообще-то я всегда опасался знакомых, не хотелось представлять в роли бомбилы, но Роман иное дело, я сам позвал его, завидев на остановке. Узнав меня, он заулыбался, рассмеялся, от него пахло водочкой, что меня даже обрадовало: проще сказать о своей проблеме. Я теперь всех друзей, бывших и настоящих, оценивал именно с такой точки зрения: есть у него деньги или нет, точнее — даст или не даст. Жил Роман в Серебрянке, то есть довольно далеко, но ехали мы весело, вспоминая общих знакомых, кто где и кто как, а я тем временем подбирался к главному, к деньгам. Вот только Роман был всегда словоохотлив, а теперь под градусом слова не давал вставить. Рассказал, что круто поменял профессию, жену, квартиру, занимается бизнесом, в общем, жизнь складывается удачно. Тут-то я и поймал его. «Знаешь, почему я кручусь на машине по городу? Зарабатываю. Денег нет. Одолжи мне сто долларов на один месяц». — «Ты с ума сошел! — вскричал он. — Откуда у меня деньги? Не было и не будет! Бизнес — дело такое, только заработаешь — сразу отдаешь».

Кстати, мы уже и приехали. Не дав больше мне сказать и слова, он протянул руку для прощания и вылез. Нет, в этот раз я не расстроился. Жалко только времени и бензина. Километров десять проехал зря, плюс десять обратно. Надо было предложить ему рассчитаться.

А еще я заметил однажды на остановке Верочку Пылаеву, красавицу, точнее, красотку, в которую многие были влюблены, особенно на первом-втором курсах, в том числе и я. Самое примечательное в ней было — глазки: они постреливали-посверкивали вперед и по сторонам, но никогда не сморгали в лицо собеседнику. Она первой из наших девочек вышла замуж за какого-то лейтенанта и, казалось, сделала очень правильный выбор, даже по внешности была типичной женой молодого офицера, но — первой же и развелась с мужем: послали служить на Дальний Восток, на «сопку», а на это Верочка была не согласна: замужество она понимала как удовольствие, а не как испытание на прочность. Сперва я проехал мимо: не хотелось бы рассказывать ей о своем жалком положении, но тут же развернулся и через минуту притормозил рядом с ней. «Вера!» — позвал, опустив стекло.

Она тотчас, стрельнув глазками, показалось даже, мимо меня, впорхнула в машину, счастливо рассмеялась и чмокнула меня в щеку. «Ты меня отвезешь? Я так спешу, так устала, я так рада!» — «Конечно, отвезу, где ты живешь?» — «Ох, как я рада! В Зеленом Луге живу, на Калиновского. Расскажи о себе!» — «Нет, ты расскажи». — «Ох, что мне рассказывать? Я опять развелась». — «В который раз, Вера?» — «Да в третий. Полгода жили вместе. Больше не пойду замуж. Если что — только в гражданский брак, надоело. Перед мамой стыдно. Ну, а вы с Катей? Мы с девочками часто вспоминаем вас. Мы считали, что вы уехали в Израиль». Я даже притормозил: мы? В Израиль? Почему?.. Верочка, похоже, смутилась. «Ну, как же. Здесь такой развал. Все, кто может, уезжают. Вон Аркаша Губерман уехал в Штаты, Дина Раскина в Израиль. Все довольны. Я бы тоже уехала, если бы хоть бабушка была еврейкой. Или Катя не хочет?» Я с любопытством взглянул на нее. Профиль у нее был птичий, но по-прежнему хорошенький. «Так ты считаешь, что я еврей?.. Все твои подруги так считают?..» Она как-то неопределенно пожала плечиками. Все-таки она была хороша, жаль, что не ответила мне взаимностью. «Даже Стрепетова Г аля эмигрировала, хотя нисколько на еврейку не похожа, — продолжала она, — скорее, на узбечку. Нашла в архивах документы, что бабушка была еврейка. Интересное время, да? Раньше скрывали свое еврейство, теперь доказывают.» На вопрос мой Верочка не ответила. А я подумал: ну и ладно! Буду евреем. Интересно, что ни в школьные годы, ни в студенческие меня евреем не считали, то есть не находили похожести, а вот теперь... Может быть, это результат безденежья? Правильнее, психологического унижения из-за безденежья?

Как я уже говорил, городок, в котором жил в детстве, входил когда-то в черту оседлости, и тема любви-не любви к евреям имела место. Порой возникали даже споры — чаще всего ленивые. Однажды такой разговор возник в нашем доме. Не люблю евреев, заявил наш сосед Н. Н. Они хитрые и себе на уме. А я люблю евреев, ответил ему другой знакомый, назову его М. М. Они надежные и верные друзья. Вот, например, Яша Борейша. Хватит, надоело, говорил третий. Все хороши, и они, и мы. Я помалкивал, так как не достиг уважаемого возраста совершеннолетия, но присутствовать при разговоре старших и умных уже право имел. Не надо любить, говорила моя мать, поскольку именно ее провоцировали высказать мнение. Надо просто относиться к ним по-человечески. Такие слова, к сожалению, погасили запал спорщиков, а мне хотелось продолжения темы.

Между прочим, в те времена, да и сегодня, деликатные люди избегали произносить слово «еврей». Говорили — по национальности еврей. Вроде как смягчали сложный факт, чтобы не обидеть его представителя.

Евреи жили в основном по улице, которая так и называлась: Еврейская Слобода. Ребята как ребята. В городе было три школы, в одной из них, Третьей, традиционно учились ребята евреи. Отношения у нас были самыми обычными, но некая тайна их жизни присутствовала.

Катя училась в школе, как тогда говорили, с музыкальным уклоном. Учились музыке в основном девочки, и в большинстве — еврейки. Но Катя долго не знала, что «есть такие люди» — евреи. Тем более, что они чем-то отличаются от нас. И отношение к ним немного иное. Поначалу она не верила таким слухам, а вполне убедилась, когда пришла пора поступать в институты: три ее подруги-еврейки поступали в иняз — поступила только одна, в паспорте которой было записано — «русская». Евреев не брали, и те, кто хотел овладеть языком, шли на платные курсы при Доме офицеров.

Между прочим, она чуть не вышла замуж за еврея, а именно за Арнольда, о котором я уже говорил, который прислал нам денег. Как же он ухлестывал за Катей и как был мне отвратителен! «Любовь — печь огненная», — тогда я и понял смысл этой фразы. Вполне мог бы стать антисемитом, если бы знал, что — еврей. Но он вовсе не был похож, в нашем понимании, на еврея. Я увел Катю у него, как говорится, из-под носа, и порой мне кажется, что вот этого-то она и не может мне простить. Ого, в каких теплых краях она, мерзлячка, сейчас обреталась бы! Пусть и в неотопливаемых зимой. Между прочим, если напомнить ей об этой истории, она обязательно покраснеет. Конечно, она краснеет по любому случаю,

касающемуся ее личной жизни, такая у нее особенность, даже если речь пойдет о мальчике, с которым рука в руку ходила в детский сад, но если речь об Арнольде — загадочно косит глазом, и неуверенная улыбочка дрожит на губах. Думаю, что и те сто долларов она поняла не как вспомоществование бедным советским людям, а как романтический привет. Я тогда тотчас поблагодарил Арнольда, но и написал, чтобы больше не присылал. Не хватало! То-то она вдруг стала мечтать о путешествиях, для прикрытия — в Турцию, Египет, а на самом деле в Израиль. Так ей хочется увидеть Стену Плача, искупаться в Мертвом море!?! Тьфу. А в Арабские Эмираты не хочешь? Нет. Почему? Да как-то так. То-то и оно!

А может быть, я неосознанный антисемит? Ухлестывали за Катей и другие ребята, однако возненавидел я только Арнольда. Хотя, конечно, и тех не полюбил.

Но когда стало ясно, что она — моя, я всем посочувствовал и всех простил. До сих пор гляжу на нее и радуюсь: моя! Красавица — вот причина. Ну и конечно, умница, хотя, если честно, это не имеет никакого значения. Кажется, даже будь круглой душой, все равно любил бы ее. Она приходила с работы раньше меня, и когда я открывал дверь, выглядывала из кухни: «Привет!» — и снова исчезала. Жизнь тотчас расцветала всеми возможными красками. Мне постоянно хочется смотреть на нее, а когда толчемся в кухне, готовя ужин, каждое случайное прикосновение приносит удовольствие. Кажется, в психо-логии это называется тактильный голод: хочется обнимать ее, прижимать к себе, тискать, мять. Что еще надо для счастья? Ничего. Да и счастья не надо. Вполне достаточно вот этой молодой женщины. Что такое счастье — неясно, а женщина — вот она: след муки на щеке, локон у глаз, мочка уха, словно награжденная за идеальный рисунок дорогой сережкой. Нет, не дожидаться мне урочного часа, когда мы выключим свет!

Катя была на втором курсе, когда я взялся ухаживать за ней. Все бросил на карту, от своих скромных спортивных достижений до жалкой стипендии, которую пускал на регулярные походы в кафе. Торчал и в комнатке ее общежития. Однажды вошел — спит поверх постели: ночь провела без сна перед экзаменом и теперь, ожидая меня, прикорнула. Надо бы подать голос, но так покойно было ее лицо!.. Я тогда увлекался Буниным, «и тихо, как вода в сосуде, стояла жизнь ее во сне», тотчас вспомнил. Проснется — произнесу. То есть, тщеславился перед Катей как мог. Дыхание ее было ровным, почти неслышным, но заметно, что она все глубже погружается в сон. И вдруг проснулась, увидела меня, вздрогнула — испуг, почти паника отразились на лице. Этот ужас, страх неконтролируемости живет в ней по сей день: войди в кухню, когда она сосредоточенно готовит некое блюдо, — вздрогнет, ужаснется, будто увидев преступника. И сама же долго смеется. Такая вот у меня замечательная девушка. Так что Арнольд много потерял.

Первый год нашей совместной жизни мы всегда спали голые, но не потому, что провоцировали сексуальность друг друга, а потому что любое прикосновение приносило удовольствие. Между прочим, Ваня как-то сказал, что они со Стешей и днем, по крайней мере в выходные, ходят по квартире нагишом, наслаждаясь совершенством тел друг друга, но мы с Катей до такого уровня откровенности недотягиваем. Кстати, когда я шел к нему за деньгами, подумал: открою дверь, а они голые. Привет!.. Ну, не знаю. Разве что Стеша набросила халат, а Ваня успел застегнуть пуговицы. Но, скорее всего, тот период у них миновал.

Арнольд, когда жил в Советском Союзе, работал в проектно бюро, однако в Израиле работы по специальности не нашлось, и он стал заниматься трудом физическим, а именно подражаться на малярно-штукатурные работы. Наверно, получалось у него неплохо, по крайней мере, приглашали его охотно, и таким образом, положение его стабилизировалось. Он всегда был, как говорят, рукастым, даже столярные работы в доме делал сам, всякие там полки, табуретки, даже шкафы. Его такие работы вдохновляли. Я бы тоже согласился белить-строить, но эти занятия требуют особого таланта или основательной подготовки, а этого у меня нет. Больше того, всякие хозяйственные задачи не только не вдохновляют, они вызывают у меня тоску. Когда-то мама, словно предчувствуя нынешние дела, договорилась с

известным в городе столяром, что возьмет меня на лето, на каникулах, в обучение. Не рассказать, какая печаль одолела меня. Закончилось все едва не слезами и истерикой: не хочу, не хочу, не хочу! А что я хотел? Хотел бездельничать. Все летние месяцы я хотел гулять, гулять и гулять. Что ж, отбился. А сегодня единственно работа таксистом была мне более-менее по душе, но чтобы устроиться в таксопарк, надо пересдать экзамен на 2-й класс, это первое. А главное, таким образом я отрезал себе путь к своей основной профессии, которую, кстати, любил, которая у меня получалась. В общем, я надеялся, что кризис вот-вот закончится, работа появится, ну а пока продолжал жить как прежде.

Я, конечно, был рад и вдохновлен крушением Советской власти, которая сильно припекла мою мать, ее сестер и братьев — всю большую семью, и, как большинство, надеялся на скорые перемены к лучшему. Новостные программы телевидения стали основным содержанием дня и, казалось, жизни. Разговоры на улицах о свободе — главными. О, свобода! Хотя, что это такое, никто не знал. Ощущение было такое же, как тогда: гулять, гулять и гулять! Все образуется само собой. И даже то, что заводы стали работать три дня в неделю, что поувольнялись дворники и ветер гонял по улицам обрывки газет и гремящие консервные банки, еще не казалось катастрофой. Вот-вот все наладится! Старики говорили, что на заре Советской власти, когда объявили НЭП, то есть новую экономическую политику, в голодной стране появилось все! Все наладилось! Чудо? Ну и ладно, чудеса тоже нужны. И как в те времена, тотчас появились совбуры, то есть советские буржуи, так нынче я не раз видел молодых людей, ловко пересчитывающих пачки купюр.

Вот и теперь... Даже когда нам два раза кряду не выплатили зарплату, казалось — наладится! Нет, тут, пожалуй, впервые все, и я в том числе, задумались: как же так? Ладно — заводы и дворники, но мы-то, мы. Мы, журналисты, элита интеллигенции. Что-то не так. А все же — хотел ли бы я вернуться назад, в те времена? Ха-ха, извините, господа советские патриоты, нет. В СССР — хотел бы, но под советскую власть — нет. Такая вот странная логика. Нравится ли мне сегодняшний день? Но как и кому такое существование может нравиться?

Время было не просто скудное, а подчас и голодное, оно было отвратительное, мерзкое. Паскудное. Если об иных трудных временах люди вспоминают по-разному — с печалью, тоской, с гордостью — мы пережили, выдержали, — о перестройке будут вспоминать с отвращением. Личности, которых выдвинула она, оказались малыми, незначительными. Люди с недоверием смотрели на них. Недоверие — вот главное чувство, которое царило в умах и чувствах людей. Эйфория тоже может быть созидательным состоянием, но она промелькнула слишком быстро, не оставив после себя героев.

Постепенно те красивые лица, что мелькали на экранах телевизоров, ставшие для многих — и для меня тоже — если не кумирами, то, по меньшей мере, поводьями в тогдашней кутерьме, стали терять внешнюю привлекательность, а слова их убедительность, и однажды, сидя перед экраном, я почувствовал сильный душевный толчок, и этот толчок был — ненависть. Пассионарность их показалась корыстной, и потому энергия, которую спровоцировали во мне, была злобной.

Когда появился и более-менее определился в правительстве Горбачев, я с восхищением глядел на него. Катя тоже поглядывала с интересом, хотя обычно политикой не сильно интересовалась. «Что за чудо? — почти восторженно сказал я однажды. — Как он там появился?» — «Болтун», — как бы с сожалением сказала Катя. «Что ты говоришь? — возмутился я. — Это руководитель новой формации, реформатор!» — «Болтун», — с той же интонацией повторила она.

Потребовалось время, чтобы понять: Катя права.

Когда случилось ГКЧП (для молодых читателей: попытка политического переворота, отстранения М. С. Горбачева от власти), единственное, что мы почувствовали, — беспомощность и зависимость: все это — в Москве, а до нее 700 километров, и там — танки! Можно вообразить, что чувствовало российское Зауралье. А Дальний Восток?! Ждали — так

ждут вынесения приговора арестованные по навету.

Взбунтовалась и наша тихая республика. Многие помнят трехсоттысячный митинг на площади Ленина, когда все триста тысяч поворачивались к ораторам из власти спиной, но бурно приветствовали своих, а у памятника Ленину голодал один из оппозиционеров. Все это было внове для большинства, и перед голодающим толпились, как перед приземлившимся космонавтом. Лежали цветы — не понять кому, ему или Ленину, мнения и отношение тоже были разные: герой, говорили одни, кафкианский голодарь — другие. У меня не было политического темперамента, и я лишь только поворачивался вместе со всеми и вместе со всеми кричал: «Жыве Беларусь!» Теперь с грустью вспоминаю то время: было ли? Может, привиделось? Совсем уж не похожи нынешний день и люди на тех, что стояли на площади в ожидании перемен.

Незадолго до начала той «перестройки» я успел купить — выхватить — «Жигуленок», в очереди за которым стоял несколько лет. Как раз в это время начались очереди — за любым товаром, причем по талонам. Близился Новый год, особенно длинные очереди образовывались за спиртными напитками. Я простоял в злобной толпе полтора часа, отоварился, купил две бутылки водки и бутылку шампанского. Потом поехал искать колбасу или сосиски — что-нибудь. Мне повезло: вот не столь уж длинный хвост в знакомом универсаме. Через час я, счастливый, — как же, добытчик! — вышел из магазина. Катя будет рада. Но где мое авто?.. Нету! Естественно, холодный пот прошиб меня в одно мгновение. Сколько историй я слышал в последнее время об угонах! Вот фонарный столб, вот «Газель», возле которых я поставил машину. Нету!.. Как же они, угонщики, повеселятся, подумал я, когда найдут в багажнике водку и шампанское! Как жаль, что я не успел положить еще и сосиски! Они бы имгодились! Пускай был бы у них, подлецов, маленький праздник!.. Пускай бы выпили за здоровье растяпы!

Я бессмысленно топтался на одном месте и вдруг. Вот он, мой «Жигуленок». Стоит, хороший, славный, сверкающий, у следующего фонарного столба, у другой «Газели», и терпеливо ждет меня с сосисками. Вот тогда я и понял, что есть счастье. Счастье — это автомобиль, водка, шампанское и килограмм сосисок. И ты со всем этим новогодним богатством не торопясь едешь домой, к нежной и любимой жене. А в салоне звучит музыка — все равно какая, только бы звучала.

Вечером мне позвонил некто. Похоже, был сильно выпивши, по крайней мере, как-то подозрительно шумно дышал в трубку да и говорил сбивчиво, правильнее — азартно и бестолково. «Ага, получили? — заговорил не здороваясь, словно продолжая прерванный разговор. — Ну и как вам эта свобода? Радуйтесь! Это еще цветочки, ягодки будут потом. Долго ждать не придется. Скоро!..» — «Подожди, — сказал я, — кто ты? Не узнаю». Голос был чем-то знаком, но. «Может, ты ошибся номером?..» — «Ага, ошибся! Теперь все ошибаются, кроме вас». — «Да подожди ты! — вскричал я. — Ничего не понимаю! Назовись сперва!..» — «Пошел ты!» — был ответ, и он положил трубку.

Как ни странно этот бестолковый разговор взволновал меня. Как будто я в самом деле в чем-то оказался виноват перед обществом, хотя я такой же пострадавший, как мой оппонент. А то, что он пострадал, было понятно. Но кто он? Нет, голос не знаком. Некто из многолюдной толпы. Ясно, ошибся человек, а жизнь, как говорится, достала. И, по-видимому, есть у него неприятель, если не враг, который виновен в его проблемах. Или он считает — вино-вен. Я так взволновался, что ходил взад-вперед по комнате и поругивался. Почему-то хотелось оправдаться. И тут опять раздался звонок — послышался тот же захлебывающийся голос: «хотя такие, как вы, не тонут! Вы — тихой сапой! На цыпочках!.. Один за другим и все вместе. Гады, гады.»

Значит, звонок не случайный. Глупости говорит человек, а все же противно, что кто-то — а значит, не он один — думает о тебе так же. Весь вечер я ждал третьего звонка — не дождался. Не позвонил он и в следующие дни, видно, проспался. Жаль только, что я так и не понял — кто. Мне уже хотелось с ним познакомиться и как следует объясниться. Даже

некую непонятную вину я почувствовал. Может, будь мы, журналисты, умнее, честнее, активнее, такой беды не случилось бы? Глупости. Так обвинить можно и учителей, врачей, инженеров.

Ссоримся ли мы с Катей? Разумеется. Это ведь главное развлечение мужа и жены. Признаюсь, период примирения у меня короток, я сразу же раскаиваюсь, а Катя начинает петь на кухне арии из популярных опер, чем окончательно убивает меня. Арий знает много, может петь долго, и день, и два. Может быть, даже месяц, если бы выдержал я. Голос у нее красивый, нежный, тотчас проникающий и в подкорку, и в сердце, а если и этого мало, надевает свой голубенький девичий халатик, который и держит, похоже, для таких случаев, то есть, чтобы терзать меня. Ну и, думаю, всем понятно, чем заканчиваются такие ссоры: большой любовью.

О, Катка! Прекрасное отродье восхитительной Евы. Или наоборот: восхитительное прекрасной. До сих пор я не могу прийти в себя от того, что ты моя собственность. Не могу дождаться, когда ты, наконец, примешь душ, намажешься какими-то благовониями, сбросишь в лунном свете ночнушку и торопливо нырнешь под наше одеяло. Длинная шея как раз помещается на моей руке. Хорошо! Разве ты человек? Нет, нисколько, ты существо иное, не-земное, раз приносишь столько удовольствия и страданий.

Прошу прощения у моралистов, близость у нас с Катериной случалась по средам и субботам, но, конечно, порой такой неписанный график, или, если вам не нравится, очередность, нарушался. Тогда субботняя любовь переносилась на воскресенье, а порой и среда, и суббота была нашей, и воскресенье. Хотя, конечно, в этом случае воскресный энтузиазм был менее выраженным. Вот и тогда мы как-то перестарались на неделе, однако график есть график, я потянулся к Кате, а она сделала движение, сообщавшее, что особенного желания нет. У меня, признаться, тоже, но дело ведь не только в желании. В близости есть еще кое-какое содержание. Близость говорит о том, что все в семье благополучно, жизнь продолжается. Тем более, это было важно для меня в том моем морально и материально зависимом положении. То есть, я должен был добиться своего, мужчины (да и женщины) знают, как это делается. Однако была у Кати одна странность: на нее нападавал безудержный смех, если в это время ответного желания не чувствовала. Сперва это обескураживало меня, позже злило, а в тот день, правильнее, ночь, оскорбило. «Ты что? — сердито спросил я. — Что с тобой?» А Катя смеялась все сильнее и сильнее, захлебывалась от смеха. Что было делать? Конечно, лучше всего — рассмеяться вместе с ней, а потом повернуться на другой бок и уснуть. Но я рассердился, обиделся и решил взять ее силой. Однако Катя сильная и ловкая, она вырвалась. «Не хочу!» — крикнула. Может быть, я сделал ей больно. «А я хочу», — заявил я. «Не заслужил! — равнодушно сказала она. — Ты вообще ничего не заслуживаешь последнее время». А вот это уже был намек на то, что не могу найти работу. «Дура!» — сказал я ей.

В общем, ночь мы провели в разных комнатах.

Думаю, со временем станет заметно, что в этот период сильно увеличилось количество семейных разрывов и разводов. Как странно, что события в государстве, политика и идеология, так влияют на близость между мужчиной и женщиной.

Интересно, как выживают мои одноклассники и однокурсники? Что, я самый невезучий? Прощаясь, на выпускных вечерах мы обещали друг другу перезваниваться, переписываться, встречаться. Но вот прошло несколько лет — где они? С одноклассниками у меня связаны, конечно, более нежные воспоминания, но с ними-то совсем уж разошлись наши пути. Где вы, Соня, Света, Лида, Ира, Тамара? Миша, Эдик, Аркадий, Толик? Вспоминаете ли меня? Нет лиц красивее ваших, нет больше в унисон с моим звучащих голо-сов. С каждым годом все дальше мы уплываем, улетаем друг от друга, а может быть, и от самих себя.

Конечно, надо бы пойти на биржу, то есть в отдел занятости, зарегистрироваться и

получить пособие. Но как это я, журналист с хорошими публикациями, стану жить на пособие?!.. Кроме того, я мечтал стать писателем и уже опубликовал несколько, по общему мнению, неплохих рассказов. Отдел занятости!.. Нет, это невозможно. И все же сходил, не признавшись в этом Кате. Регистрироваться, однако, не стал, походил по коридору, опасаясь увидеть какого-нибудь знакомого, даже заглянул в дверь, перед которой молчаливо и униженно — так мне показалось — толпились и мужчины, и женщины. Постоял у стенда с вакансиями. Вакансий было немало: требовались сантехники, слесари, грузчики, формовщики, обрубщики. Согласен, любой труд почетен, но как это я, журналист, автор ряда заметных материалов. С облегчением вышел на улицу. Буду таксовать, пока не поймает налоговая инспекция. А чтобы подальше от инспекции, я решил меньше кататься по городу, а ездить в ближние города республики. Приезжал на автобусную станцию, ставил машину и шел искать пассажиров. Много не запрашивал — всего лишь стоимость автобусного билета, так что пассажиры находились всегда. Как правило, находились и в обратный путь. Но скоро такие поездки прекратились. Однажды приостановился какой-то молодой парень, с любопытством поглядел на меня. Я в тот день собирал пассажиров до Слуцка. «Сколько берешь?» — спросил он. «Стоимость билета», — сказал я. «Дороговато!» — «Дороговато? Езжай на автобусе, будет дешевле». — «Ладно, поеду с тобой. Скоро?» — «Надо еще два человека». — «Договорились. Подожду около машины. Где стоит?» — «У въезда. АХ-7 68-30». — «Понял».

Попутчиков я нашел скоро. А когда подошел к машине, увидел, что пробиты два передних колеса. Ну, слава богу, не все четыре. Я, конечно, и раньше слышал, что таксисты таким образом мстят нелегальным извозчикам, а вот убедился и сам.

Городок, в котором я родился и где жила моя мать, находится довольно далеко, километрах в трехстах. Я ездил к матери раз в месяц. Во-первых, проведать, во-вторых, всегда получал от нее денежек и на дорогу, и на прожитие. Кроме того, если запастись водкой, можно было с некоторой выгодой обменять на бензин. Тогда это было просто: ставишь на капот бутылку, держишь в руках канистру и шланг. Иногда ездит со мной и Катя. Отношения у них сложились неплохие, но. «Я не позволю себе конфликтовать с твоей женой», — сказала как-то мама. А Катя, когда позже я с гордостью передал ее слова, отреагировала мгновенно: «Ох-ох-ох!» Какие-то неясные разнонаправленные движения в их душах происходили. Что-то протестное они друг другу сообщали самим фактом своего существования. Конечно, у Кати возможностей было больше: ночная кукушка. Например, обычно во время нашей близости она никогда никаких сладострастных стонов не издавала, все у нас совершалось довольно тихо, но здесь Катю как подменяли. Я клал ладонь на ее рот или закрывал губами, шептал: «Тише, тише!» — но все это словно еще и возбуждало ее. Разумеется, таким образом она давала знать моей маме, которая спала за стеной, о своей роли в нашей жизни.

Родители Кати живут далеко — в России, в небольшом городке Воронежской области. Катя ездит к ним раз в год. Однажды побывал и я. Встретили они меня с большим интересом: как это такой охламон охмурил их принцес-су? Но Катя молодец, во-первых, раз за разом обнимала меня, чтобы показать уровень отношений, во-вторых, не призналась, что я — безработный. Ну а поскольку приехали мы не на поезде, а на своем авто — тогда еще не рядовой случай, — мнение обо мне сложилось вполне удовлетворительное.

Впрочем, знакомы мы уже были: они приезжали на нашу свадьбу. Но свадьба дело нервное, суетливое, да и жить им пришлось в гостинице, — они не поняли меня, я их, а вот теперь — да, можно жить, хотя, конечно, и автомо-биль мог быть получше, и квартира просторнее, и. Ну а то, что еврей, — так это, может, и хорошо. Есть же среди них хорошие люди?! Впрочем, это я при-думываю, речь о национальности не возникала.

Там есть такая небольшая речка, Хопер называется, а тесть мой, Андрей Афанасьевич, оказалось, заядлый рыбак, и мы разок сходили с ним с удочками. Вот там он несколько раз пытался начать демократический разговор о равноправии наций, вопросительно поглядывал на меня, но когда я заявил, что не еврей и не русский, а белорус, обрадовался: с белорусами в

России все ясно — свои. Нашим выходом на реку он остался удовлетворен: в два раза обловил меня, показал, на что в этом деле способен. Ну и опять же, белорус!.. Алена Кондратьевна тоже была довольна: вволю наговорилась с дочкой, пока нас не было, а еще показала свое кулинарное искусство, — в общем, проводили они нас через два дня с надеждой, что все у Кати будет хорошо.

Есть у Кати и старший брат Сергей, он тогда работал в Воронеже на экскаваторном заводе, приезжал познакомиться на машине с шофером, мы с ним и тестем крепко выпили и в тот же день простились, производственные дела требовали его возвращения. И то, что мы так дружно, хотя и с излишествами, посидели за столом, тоже всем было по душе. То, что я молодой успешный журналист и Катка со мной не пропадет, предполагалось само собой. Так выглядело. Ну а то, о чем они думали и говорили между собой, конечно, осталось тайной, ненужной ни мне, ни Кате. Думаю, она не сказала, что я потерял работу. Кому хочется огорчать близких?

Мне оставалось собрать пятьдесят долларов, чтобы вернуть Ване долг, и потому очень кисло стало на душе, когда он позвонил мне. Дождался, черт возьми!.. «Знаешь, какие у меня новости? — весело спросил он. — Со вчерашнего дня я тоже безработный». — «Как так?» — ахнул я. «Да вот так. Закрылась наша контора».

Так я и не понял, что это за контора. Он молчал, и я молчал. Он, как я понимаю, еще не привык к такому своему положению, осмысливал его и вопреки ситуации чувствовал некий беспричинный душевный подъем, а я уже давно прошел этот этап, и мне нечего было сказать. Посочувствовать? Глупо. Выругаться? Разве что. «Слушай, Ваня, — сказал я. — Сто долларов у меня есть, могу отдать хоть завтра». — «Да я не об этом, — он вдруг потерял веселость. — Пока деньги у меня есть. Знаешь что. Приходи, напьемся». — «А, вот это дело! — я и в самом деле обрадовался. — Может, завтра? Я тебе позвоню».

Однако назавтра кое-что изменилось, и я не попал к нему. Ладно, решил, вот соберу еще полсотни, тогда и встретимся.

Это кое-что, случившееся на следующий день, оказалось чрезвычайно важным: Катя объявила о беременности. По этому случаю я купил коробку конфет, мы открыли шампанское и просидели весь вечер, и раньше обычного нетерпеливо легли в постель, словно начальная беременность вызвала у нас усиление сексуальности.

Жизнь после такого сообщения заметно изменилась. Во-первых, надо было заработать денег, во-вторых, больше уделять Кате внимания, в-третьих. Я сам себя и свою роль стал понимать иначе, нежели прежде. И как-то между прочим решил, что теперь отдавать долг не время. Тем более что деньги, как обронил Ваня, у него пока есть.

Всем известна фраза: к хорошему привыкаем быстро. Но быстро прииспособливаемся и к плохому. Уже будто так и надо — стоим в очередях с талонами и продуктовыми книжками, по несколько часов проводим в обменниках, чтобы хоть как-то отбить заработанное, покупаем то, что подешевле, а женщины достают из шкафов девичьи платья и радуются, демонстрируя сохранившиеся фигуры. Старики, пережившие Отечественную войну или много знающие о ней, уверенно закупали соль и сахар, запасались также крупами, макаронами. Наш сосед по лестничной площадке дядя Петя, матерщинник и выпивоха, увидев меня, весело крикнул в раскрытое окно: «Все! Теперь эти гады меня не возьмут! Все антресоли перловкой и макаронами забил!» Эти закупки оказались ошибкой: в крупах быстро расплодилось пищевая моль. Впрочем, дядя Петя нашел выход: завез в деревню родственникам на корм пороссятам, а привез несколько хороших кусков соленого сала и вволю по пьянствовал «на халяву». Мы никаких таких запасов не делали, но когда я был у матери, она попросила купить побольше соли. Оказалось, мы опоздали: соли в городе уже не было. Правда, в следующий приезд удалось купить пятидесятикилограммовый мешок соли неочищенной, серой, видимо, кормовой, для животных. Так она и лежит там до сих пор.

В прежние времена, стоя в очереди за каким-либо товаром, мы молчали, разговаривали

в основном знакомые между собой люди, теперь — совсем иная звуковая картина, очереди словно ожили, каждому есть что сказать, о чем поговорить!

Скоро выяснилось, что самая необходимая профессия в городе — двор-ник. Похоже было, что все дворники города или забастовали, или уволились. Забитые доверху мусоропроводы, горы возле контейнеров. Быстро распло-дились крысы и спокойно перебегали улицы, словно в гости друг к дружке. Утром туда, вечером оттуда. В один из дней над городом нависла туча, потя-нуло холодом, начался ураган, и вся эта дрянь — газеты, тряпки, полиэти-леновые мешки — поднялись в воздух и, как диковинные птицы, понеслись в небе и мимо окон, будто произошла катастрофа, и мы почувствовали себя маленькими человечками, то есть такими, каковы мы и есть.

Но ведь не может продолжаться такое вечно! Любое общество, попав в подобную историю, пережив шок и растерянность, начинает приходить в себя, самонастраиается, не особенно надеясь на какие-либо решения пра-вительства. Признаков такого процесса я ждал каждый день. Прекратились забастовки на автомобильном заводе — хороший признак! Правда, начались на тракторном. А вместе с тем вокруг города стали появляться роскошные коттеджи. Что это значит? Пир во время чумы? Или наоборот, заканчивается эпидемия, будем жить?..

Катя человек хороший, но хитренький. В словах ее часто имеется второй смысл. Что она хотела? Похвалить или уязвить? Хорошо, в ее пред-ставлении, быть евреем или плохо? Вполне может быть, что и то, и другое. В зависимости от конкретной ситуации. А может быть, не хитрая она, а умная. Сообразительная. Догадливая. Предусмотрительная.

Когда мы познакомились, понравились друг другу, и только-только нача-ли обниматься и целоваться, я залез ей под кофточку, а потом и под лифчик. Впрочем, этому действию предшествовало еще кое-что. По воскресеньям мы отправлялись с ней на пляж. Фигурка у Кати хорошая, и я наслаждался, глядя на нее. Плавала она плохо, но и это мне было по душе, давало дополнитель-ные возможности, например, брать на руки под видом обучения плаванию. Я все поглядывал на ее грудь, она заметила это и не против была показать красоту. Но как сделать это? Очень просто. Однажды, когда я держал ее на руках, у нее как бы вдруг сорвалась с плеча бретелька, и я, наконец, увидел всю красоту, точнее, ее половину. Естественно, это сильно меня взволновало. В тот же вечер, хорошенько наобнимавшись и нацеловавшись, я и залез под лифчик. Она не уклонялась, мы оба прислушивались к приятным своим ощу-щениям, — так, за этим хорошим занятием, прошло, не знаю сколько, может, минут десять, двадцать, но появилось чувство — не знаю, возможно, одно-образия или нетерпения, пора было развивать успех, — тут-то она и уронила на асфальт как бы ненароком ключи от комнаты. Ключи зазвенели, процесс, как бы нечаянно, прервался и на сегодня закончился. То есть, она и ушла от развития событий, и меня не обидела. А поскольку я был влюблен, все это сообщало мне ни больше ни меньше как весточку о целомудрии моей избран-ницы, о чем она и хотела дать знать. В общем, как хотите, так и считайте: то ли умная, то ли хитренькая. Что ж, недаром сказано: наука страсти неж-ной. У мужчин своя, у женщин своя.

Когда я ухаживал за Каткой, очень много говорил и, конечно, острил как никогда в жизни. Таким образом поддерживал ее интерес к себе. После свадьбы я, разумеется, успокоился, пришло равновесие. Больше того, теперь я с удовольствием помалкивал, а говорила Катка. И вот опять — она замол-чала, а я разговорился.

Водочку в нашей республике продают, а точнее, выдают, по талонам — таким образом этот продукт для таксистов и для нас, бомбил, становится еще одной статьей маленького дохода. Поскольку я пью мало и редко, образовался и у меня некий запас. Две-три бутылки вожу с собой и цену прошу двойную. Судя по реакции покупателей — весьма умеренную.

На вокзале сели ко мне двое, один молодой, моего возраста, в джинсе, второй постарше, в костюмчике и под галстуком, аккуратные. Оперный театр, сказал молодой. Что

ж, можно и Оперный. Близко, конечно, но выбирать не приходится. Поехали. От одного из пассажиров веяло каким-то дезодорантом, я этого не люблю, но — не мое дело. Катя, например, любит. Хуже, если прет перегаром. Но тоже — почувствуешь, уже когда сядет в машину, не выгонять же? Иной раз они, с похмелья, хорошо платят. Между прочим, женщины рас-считываются щедрее, нежели мужчины, и уж совсем плохо платят, если зара-нее не договориться, кавказцы, приехавшие торговать фруктами, и цыгане. На краю города, перед кольцевой, есть цыганский поселок. Туда я и отвез как-то группу цыган — рассчитались, как милостыню поднесли, а требовать я пока не научился.

Сперва пассажиры мои ехали молча. Потом тот, в джинсе, спросил: как машина, не подводит? А все бывает, отвечаю. На той неделе на буксире тащи-ли домой. Я люблю поговорить в дороге, а еще лучше — послушать. Особенно-то болтать языком бомбиле не следует. Встречаются интересные люди, кроме того, по разговору становится ясно, сколько запросить за проезд.

— Наверно, много крутишься по городу, — говорит джинсовый.

— Да нет, — пожимаю плечами. — Это я вас по пути домой подхватил.

— Правильно, чего порожняком гонять. А где далеко живешь?

— Да там, в районе Оперного.

Молчу и поглядываю в зеркало заднего вида.

— После работы выходишь на трассу или с утра?

— Нет, я на трассе не работаю.

— Ну и зря. Время такое, что можно коттедж за лето построить.

— Какие коттеджи!? — смеюсь я. Что-то мне не нравится в этих разгово-рах. — Дай бог как-нибудь прокормиться.

— Да ладно, — говорит джинсовый, а костюмчик помалкивает. — Слы-шали, как вы, бомбилы, зашибаете. А как по мне, так и слава богу. Ты, вооб-ще, где работаешь?

— Да есть тут одна контора. А вы?

— Мы на стройке.

Ага, на стройке. Вот так — один в джинсовой курточке, другой в галстуч-ке, в облачке одеколона — прямо с объекта.

— Слышь, командир, — говорит джинсовый, вдруг сильно понизив голос. — Выручай. Идем в гости с пустыми руками. Надо бутылек. Горь-ко надо.

Я даже оглянулся: так стало все ясно.

— Опоздали вы, — говорю. — Я уже все продал. Был полный багажник. Это теперь такой товар. Алкаши аж под колеса кидаются.

— Да ладно, — говорит джинсовый. — Мы серьезно. Не пожалеешь.

— И я серьезно. Какие шутки? Алкаши тоже люди, а мне заработок.

— Ладно, ладно. Мы хохмить тоже умеем, все понимаем... А где травки купить, не знаешь?

Травки? Интересный, как говорится, вопрос. Больше ничего не надо? А может, героинчика?

— Нет, друзья, водку не продаю, на травке не зарабатываю и сам не балуюсь.

— Жалко, мы бы хорошо заплатили. Очень хорошо.

— Это сколько? — я опять оглянулся: интересно, с каким лицом пред-лагает сделку.

— Не пожалеешь.

— Нет, братцы, — говорю. — Я гражданин законопослушный.

— Это хорошо, но законами сыт не будешь. Главное, бабки.

Замолчали. Тут и Оперный показался.

— Приехали, остановись за углом.

Остановился.

— Сколько с нас? — А я молчу. — Полсотни хватит? — показывает новенькую купюру. Конечно, за такую поездку полсотни совсем неплохо. Но что-то мне давно не нравилось, и чувство это нарастало.

— Что молчишь? Добавить десятку?

— Мало, — говорю.

— Двадцать?

— Еще полсотни давай.

— Ладно, — соглашается, — держи. — Он-то не видит, что я смотрю на него в зеркало и уже все понимаю. Зеркало у меня широкоугольное, все видно.

— Спасибо, — говорю. — Премного благодарен, гражданин начальник. Я у милиции денег не беру. Извозом не занимаюсь, травкой не балуюсь, с барыгами не знаком. Просто люблю кататься по городу. Простите, если силь-но разочаровал.

— Дурак! — это вдруг у того, что под галстуком, вырвалось.

Может, и дурак, но если я дурак, то положите, умники, свою хрустящую полусотенную на сиденье.

В общем, разочаровал их. Между прочим, походка у разочарованного человека отличается от походки очарованного. Чап-чап, никого и ничего не поймали, не заработали, промахнулись.

В ту новогоднюю ночь я не стал пить шампанское, а, прослушав речи президентов, отправился к машине, решив, что заработок будет хороший. Однако раз на раз не приходится. В основном пришлось возить веселые компании, которые мало внимания обращали на водителя и рассчитывались, скупой отсчитывая рубли. Были, конечно, и шутники, которые, усевшись, командовали: Питер! Киев! Воронеж! Москву никто не заказывал, видно, не были уверены, что там хорошо встретят. Уже под утро, на площади Энгельса, у главной елки города, сел ко мне парень моего же возраста — улыбчивый, разговорчивый, а кроме того — трезв как стеклышко, что для новогодней ночи какое-то исключение. Попросил отвезти на Каменную Горку — не слишком далеко, но и не близко, там взять девушку и далее в Зеленый Луг. Сразу же инициативу светского общения взял он в свои руки. «Хороша новогодняя ночь, верно? Удалась, как по заказу. Что ж, люди такую радость заслужили. Жизнь нынче трудна, хоть раз в году должен быть у человека праздник. Вот у меня золовка, молодая еще женщина, а о жизни говорит неохотно, не верит в лучшее будущее. А я верю. Как не верить, если.» И далее в таком же духе, будто из депутатского корпуса. А когда подъехали, сказал: «Подожди, друг. Две минуты — и мы на месте. Самое большое — три». Больше я его не видел. Что ж, такие пассажиры — не впервой, я выругался на прощанье и поехал домой.

И тут проголосовала девушка, попросила отвезти на Юго-Запад. Далековато. У мужчин я обычно спрашиваю: «Сколько это будет стоить?» Но — девушка. Ладно, поехали. Вытащила платочек, стала шумно сморкаться. Дыхание у нее было прерывистое, как у ребенка после рыданий. Я взглянул — лет восемнадцати-двадцати, не больше, шубка дорогая и модная. «Тебя обидели?» — спросил. «Не. — тяжело вздохнула. — Они. они. Прогнали они меня». — «Как это?» — «Очень просто. Вытолкали за дверь и закрылись.» — «Почему?» — «А потому, что я красивее. Пацаны их на мне повисли». — «Так это девчата?» — «Какие девчата? Шлюхи ихние. А пацаны видят и помалкивают. Весь год мне испортили». — И она, отвернувшись к двери, заплакала. «Да ладно, — сказал я. — Год длинный. Все наладится. — Она не ответила. — А вообще ты чем занимаешься? Учишься?» — «Да нет.» — «Работаешь?» — «Не, я так.» Опять замолчали. Дороги в новогоднюю ночь свободные, ехали быстро. «Я в этом году на журналистику поступать буду, — вдруг сказала она. — Или в театральный. Чтоб они знали!.. А еще есть такой конкурс, «Телевершина» называется, там телеведущих набирают. Меня возьмут, я красивая. Разве нет?» — «Конечно, красивая». — «Я им всем докажу!» — «Конечно, докажешь. Главное, не сдаваться». — «А еще можно в какой-нибудь танцевальный коллектив, — мечтала она. — Я хорошо танцую, все пацаны в отпад. А эти. Ох, как они меня ненавидят!» Настроение у девушки улучшилось, но все равно она шмыгала носом. «Ну вот, приехали, вон твой дом. Не переживай». Но она не выходила. «Ты хороший, — сказала. — Знаешь, у меня нет денег. Хочешь, я. Можем

пойти ко мне, можем здесь». Честно говоря, я не тотчас понял суть предложения. Наверно, тупой. «Да ладно, — ответил. — Спи спокойно».

На улице потягивало ветерком, и шла она кособочась, прятала носик в дорожную шубку.

Не скажу, что такая история приключилась со мной впервые. Как-то остановила девушка около Комаровского рынка. «Отдохнем?» — предложила звонко и весело. Я-то ожидал услышать адрес поездки. «Не понял», — сказал я. «Ну и дурак», — был ответ. Однако красоткой ее не назовешь, как и юницей. Красотки у Комаровки не дежурят, они — у хороших гостиниц или на «стометровке» через Свислочский мост. Сами не навязываются, ждут конкретного приглашения, но торг, конечно, возможен. А ведь еще пару лет назад, когда мы стали влюбляться с Катей, столь откровенных блудодеиц на наших улицах не было. Как замечательно быстро мы начали двигаться куда-то туда. Возможно, там хорошо. В прежние времена, чтобы добиться близости с девушкой, нужно было как-то соблазнить ее, может быть, даже приневолить, а теперь все это ни к чему, торгуйся и получай.

Катя рассердилась, когда я рассказал о том новогоднем приглашении. «Почему бы тебе не задержаться на полчаса? — проворчала она. Наверно, была разочарована моим сегодняшним заработком. — Покрыл бы расход на бензин».

Я вдруг почувствовал ее будущее бессмысленное старушечье ворчание.

Как-то вечером, закончив кататься, я припарковался у дома и тут увидел на заднем сиденье портмоне, а в нем сто зеленых американских рублей и неслучайно наших белорусских. Вообще забытые вещи не редкость. Чаще всего забывают зонтики, сотовые телефоны, барсетки. Установить владельца телефона несложно, два-три звонка — и человек рассыпается в благо-дарностях, мчится — с улыбками, если женщина, с коньяком — мужчина. А вот с зонтиками и барсетками проблема. Несколько раз давал объявления о находке в газету «Из рук в руки», никто, однако, не откликнулся. Обеспечил зонтиками всех соседей и начинаю предлагать по второму разу. Но портмоне с долларами — впервые. Кроме денег были в портмоне какие-то бумажки, я рассмотрел их и с облегчением убедился, что ни адреса, ни визитки нет. Непростую нравственную проблемку пришлось бы решать.

Катя долго разглядывала портмоне, тщательно пересчитывала деньги, и никаких чувств на ее красивом личике нельзя было прочесть. И все же удовольствие проступило. Да, сказала она. И замолчала, как бы раздумывая. С таким же значением и содержанием могла бы сказать — нет. Или — ох. Спустя несколько минут, когда уже вполне привыкла к этим деньгам, как к своим, произнесла неуверенно, в порядке постановки проблемы: «Хорошо бы вернуть человеку». Интересно, что бы она сказала, если бы я вдруг заявил, что адрес есть. А вообще-то знаю что: растяпа. Богатенький, наверно. Что ему сто долларов?.. «Наконец-то отдам долг», — сказал я. «Угу, — сказала она. И опять замолчала. Однако на этот раз ненадолго. — Подожди, — произнесла задумчиво. — Коляску надо будет купить. Кроватьку.»

Ну вот, чужой кошелек я уже присвоил, и это шаг к тому, чтобы теперь уже просто у кого-то украсть. Вот, например, стоит у двери сытенький такой, розовощекий чиновник с оттопыренным карманом. Ясно, что в кармане кошелек — толстенький и на кнопке. Почему он улыбается? О чем думает? Может, о жене? Вряд ли. Жене в троллейбусе не улыбаются. Скорее всего, любовнице. Да-да, к любовнице едет с полным кошельком. Подойти, стать рядом. Слышал, хорошему карманнику нужны музыкальные пальцы. как у пианиста. скрипача. виолончелиста. Так, два пальца в карман. или три?.. Нет, два. Вот он, толстячок. Как его подцепить?..

— Караул! Грабят!

Нет, особые качества нужны, чтобы украсть, даже при мысли об этом испуганно бьется сердце. Интересно, среди евреев есть карманники? Или это славянская профессия? Нет, из меня карманника не получится.

Вдруг позвонила жена Вани, позвала Катю. Поначалу я прислушивался к их разговору,

но скоро занялся своими делами. Необычным было лишь то, что перезванивались они обыкновенно накануне праздников, а тут праздника не предвиделось. Говорили долго, ахали-охали, порой смеялись. Особенно близкими подругами они не были и перезванивались, скорее, поддерживая нас с Ваней. Прощаясь, говорили такими сладкими голосами, будто для того, чтобы хватило ее, сладости, на полгода, до следующего звонка. Обычно мне о содержании разговора не говорила — какое такое содержание? Обычная женская болтовня, но в этот раз Катя вошла ко мне явно озадаченной и, судя по округлившимся глазам и загадочной улыбке, с некой необычной информацией.

— Знаешь, что она сообщила?.. Она тоже беременна! На третьем месяце.

Новость, конечно, была впечатляющей и затрагивала нашу с Катей жизнь: нужно отдавать долг.

«Хорошо бы купить швейную машинку, — сказала как-то Катя. — Я бы и себе что-то пошила, и маленькому». Почему-то она давно решила, что будет мальчик. «Ты умеешь шить?» — «Каждая женщина умеет». — «А знаешь, сколько стоит хорошая машинка? Лучше купить что надо». Но по глазам понял — не лучше. Ей хотелось заниматься всем этим. Нынче это была ее жизнь, которая сильно отличалась от моей. Машинка стояла, если перевести в доллары, больше сотни. Где их взять? Девяносто я уже накопил, но это не мои деньги, это — долг. «А что если попросить у кого-нибудь на пару месяцев? — предложил я. — У кого-нибудь из твоих подруг наверняка есть». — «Ты что, — отозвалась Катя. — Машинка — это. Ну что ты. Невозможно. Если ее нет, то и ладно, а если есть. Ну что ты.» Мне такое отношение было непонятно, но я промолчал. Через несколько дней, увидев, что Катя вручную шьет халат, я решил, что выхода нет.

Надо сказать, радость ее была так велика, что хватило и на меня.

Через денек после этой покупки я пошел в гастроном и увидел Ваню. Что делать? Подойти? Сделать вид, что не замечаю? Потоптаться у какого-нибудь отдела, пока он рассчитается и уйдет?.. Еще через мгновение увидел и Стешу. С бьющимся сердцем я стоял у мясного отдела и тупо рассматривал витрину, а они не торопясь ходили вдоль полок с товарами и, кажется, намеревались гулять здесь до вечера. Интересно, сообщил он Стеше, что одолжил мне сто пятьдесят долларов? Никакого решения я не принимал, ничего, кроме позора, не чувствовал, — ноги сами понесли меня к выходу.

Заметили они меня или нет? Что подумали, если заметили? Что друг другу сказали? Что я представляю собой с их точки зрения? Да и со своей собственной?..

Я даже Кате не сказал о той встрече.

Эй, Арнольд! Прислал бы ты еще сотенку!..

Один довольно известный писатель заявил, что для творческого человека главное — умение отвлечься от повседневных будней, не позволить себе вовлечься в жизненную прозу. Больше того, писатель должен плыть против течения, в противном случае его понесет в неизвестность и выбросит где-нибудь на необитаемый берег. Но как отвлечься, если уже понесло и выбросило, и берег, на котором мы оказались с Катей, нам в самом деле плохо знаком. Мы здесь, как Робинзон с Пятницей, живем и постоянно вглядываемся в горизонт: не покажется ли спасительный кораблик?

А теперь похвалюсь (или пожалуюсь): у меня имелся чек на сто долларов, который год назад прислало некое итальянское издательство за публикацию моего рассказа. Однако в то время банки такие чеки не признавали, и голубой листок в международном конверте с «окошком» хранился просто как память. Через пару лет такая операция стала обычной, и я написал в издательство на своем жалком английском о том, что когда существовал Советский Союз, я не мог получить деньги, а теперь, когда Советского Союза нет, истек срок действия чека. И месяц спустя получил свеженький дубликат. Что у них за странная жизнь?

Любая контора у нас воспользовалась бы случаем, чтобы зажать гонорарчик. Но все это было потом, а деньги нужны сейчас.

Смешная сумма 150 долларов. Люди берут кредиты или занимают друг у друга по тысяче, две, а может, и больше (дальше моя финансовая фантазия не поднимается), берут и отдают, выплачивают проценты, все как и должно быть в рыночной экономике, или точнее — нынешнего базара. Хотя случаются и проколы, не без этого. Порой очень даже драматические.

Сокурсница моей жены, Люся — красавица, умница, знаменитая своими изысканными и дорогими нарядами, да и университет закончила с красным дипломом, — когда было разрешено предпринимательство, занялась туристическим бизнесом, но то ли не хватило первоначального капитала, то ли опыта, — лодочка ее вдруг дала течь, а потом и стала черпать воду бортами. Чтобы спастись, Люся каким-то образом вышла на ростовщиков, взяла у них, видимо, немалую сумму, а когда пришло время рассчитываться, оказалась неплатежеспособной. Ее, как говорили тогда, поставили на счетчик. Тем не менее, она снова заняла у них некую сумму, а затем и еще раз. Надо заметить, что бандиты сразу предупреждали о последствиях, так что, по их понятиям, по-бандитски, все было честно. Ставка — жизнь. Но что-то, видимо, произошло в психике женщины: оказалась неспособна оценить ситуацию и свои возможности, потеряла контроль над собой, как говорится, закусил удила и понеслась — взяла деньги еще раз. Пришел день, когда бандиты отказались ее субсидировать и потребовали рассчитаться. Пришлось продать квартиру и переехать к родителям, затем родители продали свою квартиру и уехали жить в деревню, — и все равно денег, чтобы рассчитаться, не хватало. Они с мужем решили тайно бежать из Минска, но перед тем продать мебель — с тем и пришла Люся к моей жене. Ничего в ней от бывлой красоты не осталось: сизое лицо в желтых пятнах, волосы колтуном, горячечные глаза, хриплый голос. За все про все просила пятьсот долларов. Диван, шкаф, хорошие стулья, два стола — письменный и столовый.

— Не надо нам ничего, — сказала Катя.

— Хороший диван венгерского гарнитура, почти новый, шкаф в прошлом году купили, письменный стол буковый. Возьмите! — просила она.

— Нет, Люся, не надо нам ничего.

— Возьми, пригодится. Хорошие вещи. Очень хорошие. Давай съездим, посмотришь. Мне больше некому предложить. Продашь кому-нибудь. У нас просто времени нет.

— Нет у меня таких денег! — воскликнула Катя.

— Сколько есть?

— Сто пятьдесят, и то не мои.

Вот как! Все же маленький загашник у нее был! Что ж, хранила она эти денежки не для себя, а для маленького, для семьи. Я не был удивлен.

— Дай сто пятьдесят и бери что хочешь! — почти кричала Люся. — Прошу тебя, умоляю! Ночью мы бежим из Минска, а денег нет. Совсем нет!

Когда-то они хорошо дружили. И в гости друг к дружке ходили-забегали, и в кино вдвоем выправлялись, оставив нас с Алесем на кухне с рукописями, а то и бутылкой водки. Познакомили их мы с Катей. Алесь тоже пописывал стихи и рассказы, как-то мы опубликовались в одном номере журнала «Нёман», и это нас сильно сблизило. Оба они уже побывали в браке, оба так ожглись, что и думать о новом союзе хоть с кем не хотели. Но по закону вежливости Алесь пошел проводить ее, а на другой день вскочил в нашу квартиру с очумелыми глазами, раскрытым ртом. «Телефон. Она. Теле-фон.» — бормотал на пороге. Оказалось, проводил до подъезда, а просить свидания не решился и телефон не взял. В результате всю ночь ходил вокруг ее дома. «Дайте телефон!» — «Успокойся, — сказал я. — Дадим телефон». Не прошло и четверти часа, как опять раздался звонок в дверь. Теперь на пороге стояла Люся с блуждающим взглядом. Катя догадалась о причине раннего визита без слов и просто открыла дверь на кухню, где мы с Алесем пили чай. Естественно, что с этих

дней и началась ее с Катей дружба. Но сейчас ничего, кроме смертной тоски, не было в лице Люси. Ну а в лице Алеся — глухое смирение: пусть будет так, как предначертано в печальной Книге Судеб.

В общем, мы отдали ей сто пятьдесят долларов. Вечером я на верхнем багажнике моих «Жигулей» перевез огромный диван, затем письменный стол, съездил за стульями. Не смог забрать только шкаф. Забили барахлом всю нашу небольшую квартирку. Правда, вещи привезли в самом деле хоро-шие. Катя даже сказала: жаль, не забрали шкаф. Надо было забрать, а позже продать. Впрочем, осталось многое: стол обеденный, кухонные шкафчики, двуспальная кровать.

Да, вещи кое-как разместили, но сто пятьдесят долларов — тю-тю.

Эй, Арнольд!

Животик у Кати рос не по дням, а по часам. Я сбрасывал одеяло и с удо-вольствием смотрел на него, поглаживал. Ей это нравилось, теперь собствен-ная нагота ее не смущала, она улыбалась и таким образом поощряла меня. «Может, у меня будет двойня? Ты бы хотел или нет?» — «Не знаю, — отве-чал я. — Уж как будет». Однако, скорее всего, не хотел: уже куплена коляска на одного ребенка, понадобится еще одна кроватка, не говоря уже о всяких пеленках-распашонках. Но будь что будет. В те времена у нас еще не опреде-ляли, один ребенок или два, мальчик или девочка. Но неужели я через полгода стану отцом, а Катя мамой? Очень интересно. И как бы странно.

Интересно, что отношение общества к беременности в разные времена разное. Сегодня женщины до последних дней никак не скрывают от взоров публики беременность, слышал я, что так же было во Франции в XVII или XVIII веке, — там даже подкладывали тряпичные куклы под пояс, чтобы показывать беременность, а вот во времена нашего детства и отрочества женщины носили просторные халаты, платья, некоторые даже специальные бандажи, чтобы не обращать на себя внимание.

Известно, отношение общества, да и родителей, к рождению ребенка тоже бывало разным, чаще всего желанным, а случалось, и нежеланным, например, в голодные годы. Нынче время относительно тех времен более-менее благо-получное, голодомора все же нет и не предвидится, и родители оповещают коллег и знакомых о таком факте, устраивают посиделки («адведки», говорят у нас в Беларуси), а мужская часть — порой и пьянки после рождения первен-цев. Однако нам до такого события еще надо дожить.

Позвонил мне один из бывших коллег, Сергей Бургевиц, с которым мы учились в университете, не дружили, но приятельствовали, и сообщил, что в министерстве информации зарегистрирован новый журнальчик с названи-ем «Свислочь» (кто не знает, Свислочь — это река в Минске) — глянцевоый, но как будто надежный, с неплохим уставным капиталом, то есть имеется у него и не бедный спонсор. Коллектив уже набран, но, по крайней мере, одно свободное место там есть, и он уже сказал обо мне. Сергей делал неплохую карьеру, уже работал в Министерстве информации, правда, пока на первой ступеньке, но вот — чувства к бывшим сокурсникам не растерял. Назвал адрес. Ноги в руки и бегом, сказал он, что я и сделал на следующий же день. Наконец-то! — вот главная мысль того дня. Побрился, почистил ботинки, гал-стучек повесил. Катя с улыбкой проводила меня. Она уже была на четвертом месяце и старалась сохранять хорошее настроение. Я тоже поддерживал ее. Очень кстати подвернулась работа. Недаром говорят: все к лучшему в луч-шем из миров.

Располагалась редакция в хорошем месте, транспортное сообще-ние удоб-ное, я заранее прикидывал, как буду ездить, сколько времени потребуется на дорогу, если на своем авто и если на автобусе. Стояла середина июля, время отпусков, на улицах стало заметно меньше машин, тем более после девяти утра, когда все спешащие уже разъехались по своим адресам. Времени мне потребовалось примерно тридцать минут, рядом находилась просторная парковка — все складывалось удачно, просто один к одному. Конечно, рас-считывать в

нынешнее время на высокую зарплату не приходилось, как не приходилось — на аналитический журнал или государственную газету, да уж ладно, мы не гордые, главное — стабильность, торговаться не в наших харак-терах и не в наше время. Энергии было столько, что я не стал вызывать лифт, а поднялся на четвертый этаж, где находился кабинет главного редактора, пешком, через две ступеньки.

Вот и кабинет.

— Здравствуйте, — сказал я празднично и с юмором. — Известный совет-ский журналист и молодой писатель Илья Шахрай. Разрешите присесть? По слухам, вы процветаете и у вас возникла перспективная вакансия. Мечтаю поработать у вас. Вот моя трудовая книжка. — И еще что-то говорил — весело и складно.

Встречаться раньше нам не приходилось. Главный был молодой, немно-гим старше меня — чубатый, белобрысый, довольно крупный. Глаза у него были голубые, лицо круглое — вполне располагающие черты. А смотрел он на меня, словно не понимая, но изо всех сил стараясь понять. Кажется, был он не из нашей журналистской среды. Взял трудовую книжку и сразу же воз-вратил.

— Как, вы сказали, ваше отчество?

— Александрович. Илья Александрович.

— Понятно. Илья Александрович, я не совсем в курсе дела. Подождите, я загляну в отдел кадров.

Он поднялся из-за стола и оказался еще крупнее, чем казалось, на полго-ловы выше меня. Да и старше лет на пять-семь.

Не было его довольно долго, минут, пожалуй, десять. Я успел рассмо-треть и скромную обстановку кабинета, и подошел к окну полюбоваться видом. Впрочем, вид был самый обычный — большой город, выбирать не приходилось.

Долгое отсутствие меня не насторожило, главные редакторы, как пра-вило, занятые люди. То-се. Наконец, дверь открылась. По правде, я не сразу узнал его, главного: голубые глаза стали. нет, не в глазах дело. Может быть, в цвете лица, что ли. Нет, цвет ни при чем. Что-то другое, мне непонятное. Может. Ага, наверно. Нет, не то.

— Извините, Илья Александрович, — произнес главный, — произошла ошибка. На сегодняшний день, к сожалению, вакансий в редакции нет.

Что мне оставалось делать? Взял трудовую, опустил в карман.

— Жаль, — сказал я. — Очень жаль.

— Вы, конечно, извините.

— Да ладно.

Обратно поехал на лифте. Лифт был новенький, комфортный, скоростной — жаль, что мне не пользоваться им.

Вечером мне позвонил Сергей.

— Он тебя принял за еврея, — сказал он. — Надо было показать паспорт! Я его хорошо знаю: не то что бы антисемит, а. так, на всякий случай. Система! Эхо каких-то иных времен. Я попробую объяснить ему, хотя теперь, конечно, ситуация хуже.

— Не надо ничего объяснять, — сказал я. — Я уже не хочу к ним.

— Нашел работу?

— Нашел.

Вдруг меня остановил незнакомый мужчина. Улыбался в ожидании ответ-ной улыбки или какой-то определенной реакции и молчал. Но и я ждал.

— Что вы не приходите? — наконец произнес он. — У нас как раз начи-нается новый курс.

Так, зрительная память у меня всегда была неважная, но, похоже, не толь-ко зрительная? Кто этот человек? Где мы встречались? Я начал чувствовать легкое раздражение.

— Два занятия вы пропустили, но это неважно. Я вам помогу.

И я вспомнил: мы познакомились в синагоге, он преподаватель иврита. Только иврита

мне сейчас не хватало! Теперь уж просто толчок неприязни почувствовал я к нему.

— Вы думаете, он мне нужен?

— Иврит? — с огромным удивлением переспросил он. — Пригодится!

Ну как же, иврит нужен всегда и всем, не сомневайтесь. И чем радушнее он улыбался, тем больше раздражался я.

— Знаете что? — неожиданно для себя сказал я. — Одолжите мне сто долларов!

О, как смутился этот, возможно, хороший человек!

— Да, да, — добивал я его, — сто долларов. А еще лучше сто пятьдесят. На полгода.

Интересно, что улыбка не сходила с его лица, но, конечно, температура ее менялась.

— Нет у вас ста долларов?

Он затряс головой, дескать, нет, нет и быть не может.

— Ну вот, а вы говорите — иврит. Ладно, на нет и суда нет. Прощайте.

Мы оба одновременно повернулись и пошагали своей дорогой. Чем-то я был доволен.

Вот какой молодец.

Стыдно стало утром следующего дня.

Известно, что отношение к тогдашней перестройке — одобрительное или отрицательное — во многом зависит от поколения. Молодые — за, ста-рые против. Но есть у меня знакомый старик, лет ему, наверно, за девяносто, однако говорливый и бодренький, так вот он — больше, чем за. То ли от возрастного легкомыслия и, следовательно, оптимизма, то ли досталось ему от советской власти, то ли просто от природного любопытства: а что будет дальше? Не хочу помирать, что-то будет, ох, что-то будет! — говорит он. Перестройка объединила или развела многих. Возникла тема, которая всех касается, и каждому есть что сказать.

Мы с Катей тоже иногда говорим обо всем этом. И если молодые люди легко и с удовольствием прощались с прошлым, то старики сопротивлялись и сдавали позиции постепенно. Сперва сдали Сталина, но за Ленина держались долго, еще дольше — за саму идею. Иные держатся до сих пор.

Советская история моей семьи довольно сложная и трудная, но сейчас не о том речь.

Конечно, наше общество остановилось и замерло на пути к новому свет-лому будущему, но, признаюсь, грядущая демократия страшит меня так же, как ужасает прошлое.

— Ну что, работу нашел? — частенько спрашивает меня дядя Петя, тот, который набил перловкой и макаронами антресоли, а потом завез их в дерев-ню. — И не найдешь!

Он давно кого-то подозревает во мне, то ли демократа, то ли охлократа. При встрече всегда качает головой и произносит одну и ту же фразу: «Ох, доиграетесь!» У него четверо ребятишек, а моторный завод, где он работает дежурным слесарем, открывает свою проходную только три раза в неде-лю, — соответственно упала зарплата. И если прежде худо-бедно удавалось сводить концы с концами, теперь — нет. Теперь он регулярно ездит в далекую деревню, где у него остались какие-то родственники, и мешками везет оттуда картошку, бурачки, морковку. Человек он уже немолодой, лет под шестьдесят, а дети малые — женился поздно, и история его женитьбы стоит внимания.

Когда-то была у него девушка, первая его любовь. Со слезами она прово-дила его на армейскую службу, каждую неделю писала письма, ждала — не могла дождаться, как только демобилизовался, сразу подали заявление в ЗАГС, сразу же справили свадьбу, но тут оказалось, что молодая жена уже погуляла немножечко, объяснив ситуацию просто: так у нее и было. Утром Петя подал второе заявление — на развод. Лет десять с девушками не общал-ся, места общения с молодежью не посещал и неожиданно для всех сделал в цеху заявление: женюсь хоть на уродине, но — честной. Несколько лет всем цехом, посмеиваясь, искали ему невесту, как говорится, с ног сбились, уже и отчаялись, он тоже рукой махнул — ну и не надо, буду жить один, как вдруг пришло сообщение из родной деревни: есть! И правда, было. Невеста ока-залась, конечно, не красавица, но и не уродина. Нет, не уродина, хотя. Так ведь женщины уродинами и не бывают, в каждой что-то хорошее есть. И Петя это

хорошее видел. Свадьба была на весь моторный завод, даже директор и председатель профсоюза приходили поздравить, — уже все знали его историю, хорошую материальную помощь молодой семье оказали. Ну, а скоро и детки пошли — один за другим, все мальчики — крепенькие, прожорливые. Потому дядя Петя и повторял: «Ох, доиграетесь», — сперва как бы с улыбкой, а теперь и со злостью: детей надо кормить, а вы шутки шутите, демократы поганые.

Дядя Петя при хорошей погоде выводит во двор всех своих ребят и не без превосходства поглядывает на прохожих.

— Иди сюда! — кричит, завидев меня, да хоть кого, только бы поговорить о жизни и о своих ребятах. Ну, жизнь, понятно, поганая, а ребята — да что говорить, сам смотри. Жалко — девочка не получилась. «Что значит жалко? — говорю я. — Все в твоих руках». — «Да ну, старый я». — «Старый? Вон по телевизору показывали: под семьдесят женился, хлопчика родил». — «Под семьдесят? — переспрашивает, и вижу — что-то высчитывает. — Не, поздно». Но тема такая ему приятна.

В те времена милиция еще не получила приказ гонять нищбродов, и они довольно свободно располагались в подземных переходах, спасаясь от зимней стужи. «Площадь Победы» — одна из самых оживленных в Минске станций метрополитена и возможности для сбора подаваний, наверно, лучшая в городе. Здесь, в шаговой доступности от метро, находилось издательство «Интердайджест». Порой они издавали серьезную литературу, а порой совершенно позорные порнографические романы, добытые, конечно, где-то в раскрепощенной Европе. Студенточки иняза, как могли, переводили на русский, а уж потом сотрудники находили стильредакторов, чтобы привести рукописи в относительно приличный вид. Получал и я такие рукописи, благодаря знакому литератору, служившему там. Гонорары были ничтожные, но все же лучше, чем ничего. А голодных «стильредакторов» больше, чем рукописей, и никто не озабочен нравственными вопросами. Посему и бывал здесь часто, надеясь на косточку с остатками мяса.

Шумные нищброды привлекали внимание, и я заметил, что у каждого свое «обжитое» место. На одном из входов-выходов в любую погоду коленами на картонке стояла древняя старуха в невообразимых лохмотьях — ей кое-что перепало в древнюю мужскую шапку-ушанку. Была она в рукавицах, и когда подавали, не снимая, крестилась. Входов-выходов в метро несколько, и возле каждого кто-нибудь стоял-сидел. Некий всегда пьяноватый старик, пристроившись у входа в магазинчик «Союзпечать», играл на губной гармонике, правильнее — просто издавал звуки. А порой прятал гармонику и требовательно тянул руку к прохожим, время от времени поливая матом нещедрых людей. Частенько стояли молодые люди с гитарой, подпевали, девушки пританцовывали, весело приставали к прохожим. Этим перепало больше других. Подавали по-разному, одни, уже подходя, начинали ощупывать карманы, другие останавливались рядом и доставали кошельки, третьи проходили мимо, но вдруг замирали в пяти шагах, находили какие-то купюрки в карманах и возвращались. У всех подававших отражалось на лицах удовольствие, удовлетворение своей щедростью. Я, как правило, проходил мимо, будто не видел-не слышал, и старик с гармоникой особенно ненавистно обкладывал матом — давно заметил меня. А еще я заметил, что в конце дня к нему подходит мужик с серой вороватой рожей, забирает «инструмент», и вместе они отправляются реализовывать заработок.

Я решил, когда у меня появятся деньги, положу в шапку старухи на картонке какую-нибудь приличную сумму, чтобы успокоить совесть, а может, подам и этому матерщиннику. И добавлю что-то из тех текстов, которыми обкладывал он меня. Но на это я вряд ли решусь: все ж таки старик, а я как бы интеллигент. Однако больше всего привлекал мое внимание странный мужик, сутулый, тощий, который чуть не каждый день стоял с детской дудкой и выдувал одни и те же бессмысленные звуки, привлекая к себе внимание. Он был совсем не старый, физических недостатков, которые вызвали бы жалость, не заметно, и подавали ему мало. Он стоял в не самом удобном месте, там было темновато, и

как будто нарочно подальше от потока людей. Лицо его рассмот-треть не удавалось: стоял, наклонив голову, сутулясь, и только дудка да старая раскрытая сумка на земле говорили, что собирает подавание. Что-то знакомое чудилось мне в его фигуре. Проходя мимо, я вглядывался в лицо, но голова всегда была опущена и лицо закрывала кепка с большим козырьком. Разглядеть как следует не удавалось. И все же я когда-то встречал его. Как-то даже протянул ему приличную купюру в расчете на то, что оставит свою дудку и взглянет на меня, но он лишь кивнул, не поднимая головы, и продолжал пикивать. Что за человек, что привело его сюда с дудкой?

А как-то мы с Катей шли мимо него, правда, он поменял место и теперь стоял на свету, у выхода из метро, она вдруг остановилась.

— Боже, — произнесла, — как он похож на тебя.

Похож на меня?.. Неужели я так жалко выгляжу в ее глазах?

Меня это сильно заинтересовало. Несколько дней спустя я подошел к нему.

— Привет, — сказал вполголоса, так, будто мы знакомы и даже дружны.

Я остановился так близко, что ему ничего не оставалось, как опустить свою дудку, поднять, наконец, глаза и ответить.

— Здрасс.

— Я тебе никого не напоминаю?

Он, конечно, был сильно смущен, даже испуган. Шагнул бы назад, подальше от меня, но позади стена, некуда, поэтому просто отвернул голову и глядел искоса, настороженно, словно ожидая какой-нибудь мерзейшей пакости.

— Мы с тобой не встречались раньше? Кажется мне, будто встречались. Все хожу и смотрю на тебя. А кое-кто говорит, что похожи. — Он не отве-чал, но смотрел и слушал внимательно. — Тоже потерял работу? — продол-жал я. — Но и здесь не заработок. Да и место ты выбрал неважное, все идут мимо. Вон там, на выходе, лучше. Или со стороны сквера. Попробуй. Это же надо! Довели людей. Пора новую революцию делать!

Лицо его становилось все более смущенным, даже виноватым. Нет, нисколько он не был похож на меня. Сильно оттопыренные уши, тонкая и тощая шея, глаза у переносицы. Вот разве нос с горбинкой и ямочка на под-бородке.

— Пошел на хер, — вдруг громко произнес он.

Я и отправился. Больше его не видел.

Антисемиты, понятное дело, бывают разные. Есть такие, что пытаются определиться, вывести какой-то принцип: вот эти то-то, а эти — то. С этими можно жить, честные, а те — себе на уме. Но есть вроде моего автомобильно-го мастера, который всех негодных ему людей, особенно политиков, считает, во-первых, ворами и позорными миллионерами, во-вторых, евреями, начиная от Горбачева до Обамы (Буша, Ельцина, Клинтона и вообще всех президен-тов, как русских, так и американских). «Обама — негр!» — говорю я ему. Пренебрежительно машет рукой, дескать, знаем мы таких негров. «Я кому хочешь правду скажу», — говорит. Впрочем, и он делает исключения: если еврей не бизнесмен, не начальник, а рядовой человек — это иное дело.

— Вот, к примеру, с тобой можно жить.

Между прочим, он офицер, отслужил в армии, в ракетных войсках, двадцать пять лет и вышел в отставку в звании майора, тогда как его сослужив-цы — полковники и подполковники. «А что ты хотел?» — криво усмехается он. Дескать, кругом евреи!

— Я бы на твоём месте свой бизнес завел, — сказал он при очередной встрече.

— Торговлю? Не люблю я этого.

— Почему — торговлю? СТО устроить.

— СТО? Знаешь, какие деньги нужны на помещение, оборудование? Спроси у своего начальника.

— Все окупится, главное начать.

— Нет у меня денег!

— Есть, есть.

— Почему ты так уверен? Мне с тобой рассчитаться проблема.

— Ну так попроси у своих евреев.

— О Боже!.. Ну, допустим. И что я понимаю в технике?

— Тебе и понимать не надо. Я буду механиком, ты директором. Сиди в своей синагоге, мы будем работать.

— Антон, ты это серьезно?

Но тщетно я пытаюсь рассмотреть следы улыбки в лице. Чувство юмора у него на нуле. Даже анекдотов не понимает, разве что, опять же, о евреях или о чукчах.

Было мне и немного обидно, и интересно: что бы я чувствовал, будь похож на татарина? Или китайца? Почему мы так дорожим и даже гордимся своей национальностью? Я — русский! Я — поляк! Я — немец! Я — еврей!.. Как будто, родившись среди какого-то народа, автоматически получаешь все его исторические заслуги, достоинства и огромные преимущества.

Но если честно, все это меня немного задевало. И вовсе не потому, что я как-то плохо отношусь к евреям, а потому что этим как бы отказывали мне в моем славянстве.

Вообще-то избавиться от антисемитизма можно, надо только вспомнить о тех ужасах, которые перенесли евреи в своей истории, особенно во время Второй мировой войны. Вот и мой мастер, когда я напоминаю об этом, умол-кает: страдания целого народа что-то значат.

Несколько дней спустя я опять отправился на биржу — с видом неза-висимым, даже горделивым, дескать, я тут из чистого любопытства, можно сказать, случайно. На стене передней комнаты висели списки требуемых про-фессий, люди подходили к ним и — нашли или не нашли что-то для себя — становились в очередь. Стал и я, не интересуясь, кто последний, мол, сейчас вот постою минуту и уйду. Надо сказать, очередь в этот раз была поменьше и, мне показалось, как-то повеселее. Некоторые, видимо, пришли сюда не впер-вые — разговаривали, даже смеялись. В очереди оказались в основном жен-щины, оттого стоял сорочий стрекот — каждой надо рассказать всю жизнь. Я прислушался — обычные бытовые разговоры о друзьях и знакомых, — вовсе не о том, как безнадежна жизнь. Стрекот усиливался, раздавался даже смех, так что в конце концов из приемной попросили тишины.

Мужчин было мало, несколько человек, и все они мрачно молчали. А мне было не по себе оттого, что я, молодой еще человек, не могу сам найти работу, я ничем не лучше этих стрекочущих женщин и тупо молчащих мужчин.

И что могут сказать мне в этом кабинете? Чем помочь? Кому может пона-добиться безработный газетчик? Когда подошла моя очередь, я повернулся и ушел.

Нет, не безденежье того времени особо запомнилось мне и, наверно, мно-гим, а унижение. С эти чувством ложился, просыпался, завтракал, обедал. Жил. Это же чувство видел в лицах других людей, особенно мужчин. Видимо, мужчин это чувство — унижение — поражает глубже и чаще. У женщин в любой ситуации есть оправдание: я женщина. У мужчин такого оправдания нет. Ты — мужчина? Ну и что? Что ты хочешь этим сказать?..

Звонок для воскресенья был довольно ранний, около девяти утра. Трубку взяла Катя и передала мне с видом загадочным.

— Ваня, — сказала она.

У меня тотчас испортилось настроение: попросит вернуть долг. Очень кисло стало на душе. Но ничего не поделаешь, надо отвечать.

— Алло? — вопросительно сказал я и внутренне сжался. Скукожился.

— Ты слышал? Курашов умер.

А вот представьте, я почувствовал облегчение. Нет, не облегчение, а. Но что притворяться, именно облегчение: что мне смерть однокурсника против ста долларов!

— Что случилось?

— Суицид. Застрелился.

— О Боже. Что-то у него случилось?.. Откуда у него оружие? — Ваня молчал. Впрочем, вопрос был не по существу: все можно приобрести в нынешние времена. — Когда похороны?

— Да уже похоронили. Неделю назад.

И снова я почувствовал облегчение, правда, уже по другому поводу: не надо идти хоронить, не надо притворяться: я никогда не был с ним дружен, наоборот, он был мне — а похоже, и большинству сокурсников — неприятен: во-первых, был откровенно карьерно настроен с первого курса, во-вторых, старался дружить с преподавателями и с теми студентами, что были заметны. Учился неплохо, но в аспирантуру не попал, хотя и очень стремился, ехать работать в провинциальную газету не захотел, устроился после окончания университета в общество «Знание», стал писать диссертацию. И — что-то не понял в изменившемся мире или по натуре своей не способен был понять: темой диссертации была роль комсомольской организации Мстиславщины в проведении коллективизации. Тема эта уже во времена нашего студенчества была архаичной и смешной, теперь же интересы и воззрения ученого сообщества сильно изменились — защита провалилась с треском. Спустя какое-то время он, как и многие, потерял работу. Ну, в то время это было дело обычное, сам, как говорится, таков, но, по слухам, женат был на очень красивой девочке с претензиями — возможно, в семье по причине неосуществленности надежд возникли проблемы.

— Не знаешь. Причины? Может, записку оставил или что.

— Не знаю.

— Может, гибель идеи подтолкнула? — я совсем забыл, что Ваня тоже до мозга костей советский человек.

— Глупости, — сказал он сухо. — Умирают люди и общественные формации. Идеи не умирают.

А я вдруг совсем по-другому, чем прежде, увидел жизнь Курашова. Он был старше нас на пару лет, после школы в университет не поступил, пошел в армию. После службы что-то помешало подать документы, пропустил еще год. Кажется, был он из семьи многодетной, сельской. На стипендию, как известно, не проживешь, из дома помогали мало, и когда мы ходили на дис-котехи, пока ухаживали за девочками, Курашов искал деньги. То есть, заработок. Ну и в оставшееся время зубрил, зубрил.

— Где похоронили?

— Не знаю. Я случайно узнал об этом. Жена, видно, никому из наших не захотела сообщать, такая смерть, что.

— Хорошо бы узнать да навестить. Кто-нибудь да знает.

— Пустое, — сказал Ваня. — Что теперь.

Похоже, и он чувствовал запоздалую вину перед Курашовым.

Как-то — и не так давно — мы встретились с ним в метро. Прежде он был неразговорчив, даже замкнут, ко мне никак не тянулся, а тут как прилип: держал меня за рукав куртки и говорил-говорил. Грохотали поезда, толкались пассажиры, я торопился и почти ничего не понимал, да и не слышал, а он говорил, говорил.

Катя всегда интересуется, кто звонит, почему. Вот и теперь внимательно вглядывалась, вслушивалась, конечно же, опасаясь, что разговор о долге, а когда рассказал, тоже обрадовалась или — успокоилась.

— Ну что вы, — сказала с ноткой праведного возмущения, — конечно, надо узнать, навестить. Как это? Нехорошо.

Конечно, главное — вернуть деньги Ваня не просил.

Признаемся: все мы забыли о Курашове на другой день. А если и вспомнили, то с какой-то досадой, саднило в душе: первая смерть среди сокурсников, а мы делаем вид, что она не касается нас. Еще как касается! Курашов ведь тоже не думал, что отлетит в вечность так скоро и таким вот способом.

Я вдруг решил, что мы с Катькой мало и редко ссоримся. Хорошо это или не очень?

Может, ссоры и есть приметы нормальной семейной жизни, при-знак общих интересов, а постоянный мир — от равнодушия, когда, по крайней мере, для одного человека, главное, скажем, не истина, а только спокойствие и еще раз спокойствие. По такой логике, следует спровоцировать скандал и таким образом убедиться, что все в нашей жизни прекрасно.

— Скандал? — переспросила Катя, когда я поделился своими сомнениями. — Это я могу! — уверенно ответила она, и голубые глазки ее сверкнули таким огоньком, что я решил впредь таких вопросов не задавать.

А скоро произошло неожиданное, что имело косвенное отношение к этому разговору.

Катя — учительница, притом хорошая. Преподает она географию, предмет не сильно популярный в нынешние времена, тем не менее, и дисциплина на уроках, и знания у ребят на уровне. В учительском коллективе она достаточно авторитетна, поскольку совсем не глупа и вполне уживчива. Школяры тоже относились к ней неплохо, а судя по цветам, которые приносила в праздничные дни, даже любили ее — умеренно, так, как любят учителей. Однако часто, а может, и всегда, есть человек, доставляющий проблемы. Вот и у нее, кажется, в девятом классе, был такой парень, Антон Калуженец. Не спрашивая разрешения, мог встать и выйти из класса покурить, причем сигарету брал в рот уже в классе, и так же без разрешения войти, мог затеять шумную ссору с кем-либо во время урока, начисто не реагировал на замечания учителя. Мог и выразиться словами из резервов, так сказать, русского языка. «Старая зда», — обозвал учительницу истории Анну Ефимовну — со слезами на глазах призналась она во время перерыва в учительской. Что-то подобное слышали от него и другие учителя, в том числе и Катя. Отец его в школу не являлся, к домашнему телефону не подходил, ну а мать, по-видимому, в семье права голоса не имела.

В тот день Антон Калуженец отказался пойти к карте — был урок экономической географии, а когда Катя потребовала дневник, ответил:

— А ху-ху не хо-хо? — И для ясности добавил: — А на хер мне твоя экономическая география!»

— Выйди из класса! — приказала Катя.

— Ага, побежал, — ответил и верхом сел на парту.

В классе, конечно, стояла мертвая тишина. Все знали о способностях Калуженца, но было интересно: как поведет себя учительница.

А Катя подошла к нему.

— Встань!

— Пошла ты на. — спокойно ответил тот.

И тогда Катя, может быть, неожиданно для себя, изо всей силы вlepила ему оглушительную оплеуху. Антон повалился на парту, из носа хлынула кровь.

— Ты пропала, сучка пузатая, — хлюпая кровью, сказал Калуженец.

Кто имеет хотя бы косвенное отношение к школе, может догадаться, что было дальше, какие начались разбирательства и на каком уровне. Не дожидаясь окончания расследования, Катя написала заявление на увольнение. Случилось это за две недели до окончания учебного года.

Теперь мы вообще без денег. А в самом деле, хорошо бы Арнольд прислал еще сотню зеленых америкосов. Вот только я, помнится, в благодарственном, но и гордом письме написал: «Денег нам больше не при-сылай».

Глядя на Катю, я часто размышляю о женщинах вообще: кто они такие? Люди или какие-то иные Божьи существа? Уж очень отличаются их — ее — мысли и поступки от наших — моих. Вспомним, к примеру, то время, когда я ухаживал за ней. Кавалеров у нее кроме меня и Арнольда было — тьма. Даже не понимаю, как я решился внедриться в эту светливую толпу. И поначалу она просто воротила от меня свой хорошенький носик — и вдруг полюбила. За что? А просто так. Нет, не просто. Произвела оценку ситуации, с помощью некоего виртуального калькулятора в маленькой головке конвертировала одну валюту в другую и — полюбила. Раз и навсегда. Впрочем, может, и не навсегда, это нам не дано знать, поскольку ее валютный конвертор куда не делся, просто находится в режиме

ожидания, и стоит только кликнуть мышкой какой-нибудь незначительный файл... А? Как так? Или — другой пример: Катя в юности страстно мечтала стать артисткой, но, закончив школу, не раздумывая, пошла в педагогической и стала хорошей, знающей и ответственной, учительницей. Ее любят и учителя, и ученики. Почему передумала? Внятного ответа нет, есть факт: ошибки не было. На ее открытые уроки соби-рались предметники всего района.

Но иной раз кажется — все не так, все наоборот: они, женщины, и правда Божьи существа — красивые, умные, добрые, старательные, а мы — в каком-то теоретическом смысле — поражение природы. Или — первая попытка Бога. Понял, что ничего хорошего не получилось, — вырвал ребро, сделал женщину, а про искалеченного мужчину забыл, бросил на произвол судьбы. Но мы выжи-ли. Потому и тянет нас к женщинам, что чувствуем — наше ребро!

Шок после случившегося прошел нескоро. Сперва на Катю нашла говор-ливость, даже юмор с иронией, чем по жизни она не отличалась, затем вдруг горько расплакалась и, наконец, надолго замолчала. Я, как мог, пытался выве-сти ее из этого состояния, ходил с ней в кино, выбрались даже в театр, но тут-то и понял, что она не видит и не слышит, что делается на экране или на сцене, просто сидит рядом.

Почти все учителя школы побывали у нас дома. Одни советовали покаяться, другие восхищались ее поступком. И те, и другие вызывали у Кати слезы и тоску. Приходили и школьники из прославившегося класса. Рассказывали о бойкоте, который устроили Калуженцу, приносили цветы. Но прощались и — опять начинались слезы.

— Перестань, — сказал я. — К новому учебному году все забудется. Ты учительница хорошая — еще придут просить вернуться.

— Нет, — сухо ответила она. — Больше я в школу не пойду.

Начала на Катю нападать какая-то глухая задумчивость. Глухая — в том смысле, что она ничего и никого не слышала в такие минуты.

— А знаешь, уже во всех школах прорабатывали мой случай, — сказала однажды в одну из таких минут. Слышала — готовится статья в «Учительской газете»... Очень мощная фигура, оказалось, этот Калуженец. Я, наверно, уеду к родителям. Все равно здесь мне нормально жить не дадут.

— Как это уедешь? А я?

— У меня нет выхода.

— А у меня? Я тебе не позволю уехать. Да, физически. Стану на пороге и не позволю открыть дверь.

— Ты поедешь со мной.

— Здравствуйте. Я совсем не готов менять страну и гражданство. А хочешь, я убью Калуженца?

— Перестань, — сказала Катя.

И опять неожиданно разрыдалась.

— Тогда нам придется развестись.

— Тогда я убью тебя.

И Катя сквозь слезы и рыдания рассмеялась. Я обнял ее — едва ли не судороги сотрясали ее тело.

Известно, пережив неприятность, люди ищут какого-то удовлетворения. Хочется забыть и забыться или, как часто говорят, расслабиться, ну и есть малая надежда, что, отвлекшись, найдешь выход. Мы вдруг решили съездить на Белое озеро, что примерно в ста тридцати километрах от Минска. Конечно, туда и обратно — двадцать литров бензина, но, как говорится, сколько той жизни. Вот вам, наши враги и недруги, кукиш с маслом, мы живы, веселы и здоровы и уж никак не собираемся горевать.

Мы с Катей люди неверующие, но предпочитаем об этом не говорить, как бы оставляя себе дорогу к Нему. Разве мало случаев, когда человек обращается к Богу хотя бы и в конце

жизни? Есть такое странное выражение применительно к вере: слабо верующий. Выражение, наверно, нелепое, но к Кате имеет прямое отношение. «А жаль, что мы с тобой не повенчались», — сказала она однажды. Понятно, венчание в те годы вошло в моду, так же как и ношение невест накануне свадьбы на руках по всяким патриотическим местам. «Да ведь ты неверующая!» — сказал я. Катя промолчала, но по лицу было понятно, что с репликой моей не согласна. Дескать, это одно, а то другое. В церковь на исповедь она не ходит, ограничения не соблюдает, но гордится тем, что крещена, и бережно хранит нательный крестик. И, конечно, считает себя верующей. «Почему бы тебе тоже не покреститься?» — предложила однажды. «Я крещеный». — «В какую веру?» — «В православие, конечно». Она с подозрением посмотрела на меня и улыбнулась: «А может, в иудейскую?» — «У иудеев нет такого обряда. Ну и как ты точно заметила, я не обрезанный». Эта тема ее интересовала, она улыбалась.

Когда-то, еще в советские времена, на третьем, кажется, курсе университета, мне выпало счастье заполучить на один день и ночь книгу Ренана об Иисусе, зачитанную и затертую до предела, попавшую сюда, скорее всего, из Европы, и с надеждой прочитал ее. Нет, мировоззрение мое она не сильно изменила, или, скажу так, после прочтения я оказался на полпути. Когда-то в моем роду были священнослужители, видно, эхо их веры перелетело ко мне через многие годы.

Однако не в этом дело, а в том, что на том же условии — день, ночь, — я дал ее Кате: как раз начал ухаживать за ней, хотелось произвести впечатление. Утром оказалось, что она книгу не открывала. Как же так? — удивился я. Мне ее дали на одни сутки! Покраснела. И впервые заинтересованно посмотрела на меня. Так что, возможно, благодаря Ренану и образовалась наша взаимность.

Конечно, не все так просто в нашей вере-безверии, не рискну причислить себя к тем или другим. И все же бывают минуты, когда страх или опасность что-то проясняют в душе. Некоторые — и даже многие — считают, что жизнь наша бессмысленна, — лично я никак с этим тоскливым мнением согласиться не могу. Это мнение — попытка приблизиться к Богу и спровоцировать на ответ, получить от Него заверение или хотя бы надежду на жизнь вечную.

Однажды мне приснилось, что умерла мать. Помню, как я ходил к городскому начальству получать разрешение похоронить на старом городском кладбище, — она давно просила похоронить именно там, вблизи ее отца и матери, моих деда и бабки. Место для могилки хранилось давно, чтобы его не заняли, я насыпал холмик и каждый год обновлял. Помню, как оформлял какие-то документы, искал мужчин копать могилу, носил им водку с закуской, посылал телеграммы родственникам, торопливо пил чай без сахара, а мама лежала в соседней комнате, я ее еще не видел в потустороннем мире и все не решался войти. Наконец, помыл чашку, сполоснул руки — больше не было причины откладывать, с замершим сердцем остановился у двери, взялся за ручку. Сообразить сразу, что это был сон, не мог, оглядывался и не понимал, почему я здесь, почему спит Катя, где дверь в мамину комнату, почему я на постели, а когда понял, неожиданно для себя перекрестился. Оставалось позвонить матери, но было еще темно, середина ночи. Час пролежал, глядя в потолок, и как только появились признаки рассвета, пошел к телефону, снял трубку и снова неожиданно для себя перекрестился.

Мне тогда в голову стали приходить мысли, от которых прежде я старался уйти, как только они возникали: а что, собственно, есть жизнь? Зачем она? Чего можно ждать от нее, да и вообще — стоит ли? Только присутствие рядом Кати отвлекало меня от таких размышлений. Такие размышления — полезное занятие в одиночестве, но никак не на кухне или в постели рядом с женщиной и не за рулем авто, когда надо следить, чтобы не пригорела картошка, чтобы радовалась жизни — или не разочаровывалась — твоя женщина, когда надо следить за дорогой, — а не рассуждать о смерти.

— Ты веришь в загробную жизнь? — спросила однажды Катя, лежа в постели. Бывают

у нее такие моменты, когда вдруг потянет в мистику, и чаще всего перед сном. Меня это раздражает. Мистика неким образом ущемляет мои интересы. К примеру, после разговоров в постели о Боге и загробной жизни труднее перейти к супружеским объятиям и любви.

— Не знаю. Наверно, нет.

— А я верю. Иначе зачем все это?

— Что?

— Ну, это. — она повела головой вокруг. Потом приподняла и загляде-лась на свою красивую ногу.

Ага, понятно. Жалко своего тела, рук ног, хорошенького носика, ушек совершенной формы. В общем, всего того, что доставляет радость в земной жизни. Мне тоже всего этого жалко, я бы тоже хотел очутиться в той новой, но ведь там мы будем парить в вольном эфире, а смотреть друг на друга ласково и равнодушно, поскольку никаких плотских радостей уже не сможем друг другу предложить. Бес полуденный останется на земле. Хорошо еще, если сохраняются в памяти воспоминания. «А помнишь, как мы целовались за горо-дом во время грозы? Дождь лил как из ведра, мы промокли за две минуты, ты пугалась ударов грома и прижималась ко мне. Почему-то нам это очень понравилось... А помнишь, как мы собирали лесную малину, и когда оказа-лись в непроходимых зарослях. Наверно, все это время мы думали об одном и том же, и как только я прикоснулся к тебе, ты начала опускаться на травку. Между прочим, там было много крапивы, мы оба покрылись волдырями, но сперва не чувствовали ее, а потом смеялись на весь лес. А помнишь.» В общем, будет что вспомнить в эфирном парении. С некоего времени Катя стала коротко креститься, если возникала какая-то неопределенная ситуация. Крестилась, например, услышав о какой-либо катастрофе, аварии, тяжком преступлении. «Ты же неверующая!» — возмущался я. Катя не отвечала.

Дескать, да, к сожалению, я слабо верующая, но перекреститься перед важ-ным делом всегда хорошо. Может быть, это было связано с беременностью.

Вот и перед поездкой на Белое озеро она трижды истово осенила себя.

Поехали. День будний, людей на берегу мало, тишина — первозданная. Стройные сосны вокруг, дно — мелкий белый песок. Правда, у берега мелко, но Кате это как раз по душе, она с явным удовольствием ходила по мелко-воду, а я стоял на берегу, глядя на нее, и тоже наслаждался — тем, какая красота вокруг нас, тем, какая у меня прекрасная, милая, нежная жена. И такое благолепие вокруг. Разожгли мы маленький костерок, насадили на пру-тья ольхи кусочки сальца с хлебом. Что ж, никак не хуже, чем шашлыки из баранины, если хочется есть.

Слава в вышних Богу, и мир на земле и в человецех благоволение. Каза-лось бы, живи и наслаждайся, но нет. Мелкие мысли не дают покоя. Не мысли даже — мыслишки. Например, хватит ли бензина на обратный путь? Конечно, заправиться можно и по дороге, но денег у меня почти не осталось. Это и подтачивало мое праздничное настроение.

Когда неверующие люди обращаются к Богу? Когда попадают в слож-ное положение, будучи не в силах справиться с ним. Вот и я: не могу. У меня нет денег. Об отношении Иисуса Христа к деньгам мы знаем. Лучше помалкивать. Но не просить же у Бога бензина? И если просить все же, то сколько? Литра два-три, чтобы дотянуть до города, или уж если просить, то полный бак?

А может, попросить устроить меня на работу? Тоже смешно.

А еще мелькнула мысль попросить Его принародно наказать тех полити-ков, что довели меня до такой жизни, что разрушили великую страну. Да, в долгосрочной, как говорится, перспективе это было бы хорошо, но как мне жить сегодня, сейчас?

Господи, помоги! — мне казалось, что воскликнул я внутренне, но Катя испуганно спросила: что случилось? Она шла к берегу, я бы сказал, как Вене-ра, если бы, конечно, не заметно округлившийся живот. Беременная Вене-ра — это, конечно, не классика, а что-то иное. Но — не хуже.

— Что ты просишь? О чем ты?

— Бензина у меня мало. Может не хватить до города.

— А-а. — разочарованно протянула она. То есть подумалось ей — я взы-вал о спасении, воскрешении и вечной жизни, а бензин. Какая-то мелочь. Повернулась и опять пошла к воде. Потом она лежала на слабом августовском солнышке, подставив лучам живот, и никакого беспокойства не замечалось на лице. Это и вообще характерно для нее: не думать о возможных непри-ятностях, пока они далеко. Вот кончится бензин, станем на дороге — тогда и помолимся. Беременность еще и усугубляла эти ее черты. В конце концов я тоже отвлекся от таких размышлений — будь что будет, и заставил себя думать о другом, о действительно более важном. Смотрел на Катю, на ее живот и думал: неужели в ней в самом деле ждет своего часа маленький чело-вечек? Как это все же удивительно, хотя и случалось-повторялось миллионы и миллиарды раз.

А все же хорошо быть безработным — никаких забот. Ну а завтра и послезавтра. Что ж, Бог даст день, Бог даст пищу.

Удивительный был день. Запомнился на всю жизнь

Что касается бензина, его хватило. Ехали хорошо, звучала приятная музы-ка, кажется, Джо Дассен, которого обожала Катя, успокаивала, убаюкивала. Бензина хватило. То есть, его не хватило бы, если бы. Короче, подъезжая уже в полной темноте к Минску, я услышал крик Кати: «Ты спишь!?» И через мгновение машина ударилась в придорожный столб.

Сейчас вошло в моду слово шок. Поменялись ценники в магазине — «Я в шоке!» Обидел на работе начальник — шок! Наступили на мозоль в автобусе — шок! Но вот и истинное значение: я сидел в разбитой машине и абсолютно не понимал, что произошло.

О, сколько я видел аварий на улицах города, или по телевизору, или слы-шал в рассказах друзей-автомобилистов. Казалось, все это не про меня, со мной такого не будет, не может быть. Машина у меня в исправности, шины почти новые. Да, кто-то может въехать в меня, может создать аварийную ситуацию, но я — нет, я вожу авто хотя и быстро, но осторожно, и уж никак не засну за рулем.

Мы были привязаны ремнями безопасности и не пострадали. Все ж таки не зря перекрестилась Катя перед дорогой. Ну а машина. Пришлось продать на запчасти, все равно денег на ремонт не было и держать разбитую негде. Так что денежки появились. Что касается автомобиля. Что ж, автомо-биль — это, собственно, баловство. Метро, автобус, троллейбус не хуже. Да и пешком хорошо.

Первым делом я возвратил долг Ване.

«Устроился на работу?» — удивился он. А когда рассказал о характере моего богатства, Ваня вдруг задумался, а потом сказал: «Ты, если такая история и появились деньги. Может, одолжишь долларов двести. Сам понимаешь, рожать скоро. Коляска нужна, кровать.» Я с удовольствием достал кошелек. «А может, триста?» Приятное ощущение, когда небрежно вручаешь такую сумму. Чувствуешь себя человеком.

Между прочим, денежки полетели со скоростью звука. Во-первых, мы сами сделали косметический ремонт квартиры. Обои купили немецкие, то есть дорогие, поменяли раковину на кухне, купили микроволновку, хорошую ванночку для ребенка. И скоро пришло время, когда я подумал, что было бы хорошо, если бы Ваня возвратил. ну хотя бы сотню. Но даже намекнуть ему об этом я не мог. Да и где он взял бы такую сумму? Ого, сто америкосов!.. Опять пришлось идти в «Интердайджест» за сахарной косточкой. А животик у Кати рос.

— Как ты думаешь, — спросила как-то Катя, — мы с тобой не разведемся?

— Что за глупости?

Она захихикала, понимая, что — глупости. По крайней мере, пока. Тем не менее, продолжила:

— Ну, в голову тебе такое не приходило?

— Что с тобой?

Как курочка, склонив голову набок, она с улыбочкой ждала ответа.

— Развод грозит всем. Но мы еще не выполнили первую семейную программу.

— Какую?

Была да и осталась у нее эта манера: доставать, то есть добиваться какой-то ясности, когда, казалось бы, всем уже все ясно. Не от моего ли жалкого положения возникли у нее эти вопросы? Не от сравнения ли нашей теперешней жизни с жизнью ее более удачливых подруг? Вообще-то такие вопросы мне были знакомы. Не лучше ли, однако, просто отложить их решение на потом? Даст Бог, сами по себе станут неактуальны.

— Программа проста, — сказал я и кивнул на ее живот.

Такой ответ Катю удовлетворил. Если учесть, что женщина существо семейное и разрушение семьи для нее катастрофа, то, возможно, ради такого моего ответа и задавала свой глуповатый вопрос.

Мы с Ваней земляки, или, как говорили сто или двести лет назад, соземцы. Но я жил в малом городке, а он в деревеньке поблизости. У меня особых музыкальных пристрастий не было, а Ваня играл сперва на гармошке, потом на баяне. И хотя был самоучкой, играл неплохо. Даже здорово. Как на мой взгляд, так на гармошке даже лучше — веселее, азартнее, хочется сказать — злее. Однако все это было в прошлом, и я очень удивился, когда узнал, что и баян, и гармошку он сохранил.

Как-то он позвонил мне и предложил встретиться: есть разговор. Когда? Да сейчас! Чем-то он был возбужден, будто что-то произошло или могло произойти. Притом — что-то хорошее. Приходи! — сказал я. Нет, давай на плотине. Ладно, давай. Мы живем недалеко друг от друга, пешком через парк, через озеро и плотину на Свислочи — двадцать минут. В общем, через четверть часа я увидел, что он уже ждет меня и от нетерпения ходит по плотине взад-вперед. Увидев меня, просто рванулся навстречу.

— Хочешь заработать? — крикнул, сжав и не отпуская мою руку. — Есть идея!

Глаза у него смеялись, горели, сверкали. Вот что значит надежда на заработок. А вы говорите — металл презренный. Однако как быстро глаза меркнут, когда идея с небес возвращается на скучную землю. Мне заранее стало грустно.

— Ну, говори.

Но Ване, видно, не хотелось вот так сразу расставаться со своей тайной. Он все улыбался и загадочно глядел на меня.

— Все гениальное просто. Если согласишься, через пару недель будешь с евриками.

— Ладно, давай.

— Едем в Германию! — произнес он. Секунду понаблюдал за моей реакцией и, предвосхищая недоумение, пояснил: — Будем просить милостыню! Будем играть в подземных переходах!

Оказалось, идею Ваня позаимствовал у соседа-музыканта, флейтиста развалившегося оркестра, который уже несколько раз ездил в Германию и всегда возвращался с деньгами.

— На баяне будешь играть?

— Ни в коем случае! Баяном никого не удивишь. Буду пилить на гармошке.

— Она у тебя сохранилась?

— Само собой.

— Ну а я тебе зачем? Как телохранитель?

— Тоже будешь играть. Будешь бить в бубен!

— Я — в бубен? Ты что?

— А ты бы хотел на скрипке?

— У тебя есть бубен?

— Да еще какой! Гремит, как цыганский оркестр!

У Вани в Берлине оказался знакомый, друг детства, живший там с семьей уже несколько лет. Он устроил нам приглашение, ну а визу получить оказалось несложно. В

общем, два месяца спустя после нашего решения мы с Ваней оказались в Германии. У него в фанерном сундучке тульская, расписанная белыми и голубыми цветочками, гармошка, как ее называли встарь «хромка», изначально настроенная на мажорный лад, у меня в матерчатой сумке бубен.

Ну а дальше все просто: отдел по регистрации предпринимателей в городской ратуше, уплата госпошлины, и вот мы уже стоим в гулком подземном переходе недалеко от Берлинской оперы. Именно здесь, решили мы, по контрасту с классикой будем иметь успех. Вот-вот через переход повалят на спектакль зрители, Ваня растянёт мехи гармошки, я подниму бубен над голо-вой. «Топотуха» — называется номер, который мы отрепетировали в Минске.

И представьте себе, мы волновались, как настоящие молодые артисты: как нас примут?

Приняли хорошо. И главное, гансики оказались не жадными. А поскольку такого чуда они не видывали, еврики потекли в футляр гармошки веселым ручейком. Ну, по крайней мере, не скучным. Конечно, порой его течение прерывалось, и тогда я вспоминал того старика, что стоял в переходе с губной гармоникой, и очень понимал, почему он сердился на меня. Порой немчики останавливались посмотреть и послушать, строго и серьезно смотрели на нас и даже аплодировали — тоже серьезно, громко, выражая не чувства, а просто одобрение. Некоторые пытались и поговорить, но, к сожалению, ничего, кроме «гутэн таг» да «гитлер капут», мы не могли произнести. Да, еще «Ауф-видерзеен»!

А однажды как вкопанный остановился перед нами мужик вполне российско-белорусского вида, уверенно спросил: «Тамбовские?» — «Нет. Из Беларуси». Разочарование отразилось в лице. «А я решил — земляки. Точно такая топотуха у нас есть. Тоже когда-то играл...» — «Хочешь попробовать?» — спросил Ваня. «Не знаю... Двадцать лет в руках не держал...» Но с интересом вскинул ремень на плечо — даже волнение отразилось в лице. Рванул! «Помогай!» — крикнул мне. И я помог. Возвращая гармошку, вздохнул:

«А я, дурак, продал такую за две бутылки...» — «Немцам?» — «Почему немцам? Соседу в Тамбове. Немцам она триста лет не надо. Такой народ». — «Как тут жизнь?» — спросил Ваня. «Да нормально». — «Как сюда попал? Фольксдойч?» — «Не, женка немка». — «Ого, — сказал Ваня, — выгодно женился». — «Да я и не знал, пока не пришли расписываться. Может, и не женился, если б знал». — «Значит, надоела женка». — «Не, она хорошая. Как русская. Немцы мне надоели». — «Ну так поезжай в Тамбов». — «Ага, поедешь...» — невнятно ответил он. На этом дружески распрощались.

Каждый день мы меняли место наших гастролей, выбирая, как правило, подземные переходы в людных местах. Комише опер, Немецкая опера... А вот репертуар не меняли: «Топотуха» особенно нравилась аборигенам. В подземных переходах она гремела как симфонический оркестр. Отныне и навсегда бубен — мой любимый музыкальный инструмент.

«Представь, сколько бы мы заработали в Израиле! — воскликнул Ваня, когда мы подбили баланс. — Сколько там наших страдает от ностальгии!..»

Через неделю жены встречали нас, как князей из добычливого похода.

Однако больше в Берлин не ездили: убедились, что это тяжелый труд — собирать милостыню. Кроме того, квартира хозяев, у которых остановились, была двухкомнатная. В одной комнате — дети, два мальчика-погодки, во второй родители. Нам пришлось спать на полу в кухне. Приняли нас хорошо, друг детства поставил на стол половину бутылки русской водки, супруга пожарила яичницу, улыбалась... Особенно радовались дети — не часто теперь в их доме бывали гости. Нет, не часто... Мы тоже привезли бутылку водки, но... Пили они уже по-немецки — после еды. По рюмочке. Аккуратно так, тихо. Шуметь там особо нельзя — не Беларусь, не Россия. Думаю, за несколько дней мы им надоели, как в Смутное время москвитам ляхи. Или как польские паны бело-русам. Николай, друг Вани, работал автослесарем на СТО, жена его посудницей в кафе, поднимались они рано, собирались и завтракали торопливо, а тут мы на полу кухни... А вот дети были в восторге:

«Мы тоже хотим на полу!»

Так что почти ничего в Берлине, в «Афинах на Шпрее», не видели. Красоты немецкой столицы не для нас. Побывали мы, кроме подземных переходов, только в Грюневальде да у Бранденбургских ворот. Хотели побывать в канцелярии Гитлера, да пожалели денег. Было бы на что...

В роддом мы поехали на троллейбусе. Что ж, не так давно рожениц возили на телегах. Чем мы лучше? Доехали благополучно, хотя схватки уже нача-лись и учащались. В общем, успели. Катя умница, держалась она молодцом, а в двери отделения оглянулась и улыбнулась мне. Знали бы вы, какая у нее улыбка!

Конечно, роды не бывают легкими. Недаром сказано: в муках будешь рожать детей своих... Досталось и Кате. Мальчик родился хороший, крепкий, горластый. И как ни странно, у него с рождения был ясный, осмысленный взгляд. Наверно, сразу заинтересовался миром, в который попал. Вот только нравится он тебе или нет, не имеет никакого значения. Будешь в нем жить, может, наслаждаться, а может, и проклинать. Все зависит от того, каким мы его оставим тебе.

А на работу я все же устроился. Куда бы вы думали? В журнал «Свислочь!» Вскоре после того, как родили наши с Ваней жены, мне снова позвонил Сергей Бургевиц: совесть не давала ему покоя. Но теперь он встретил меня у редакции, и мы вместе пошли к главному. Крепко пожали руки, смущенно посмеивались, глядя друг на друга. И — в отдел кадров. Закончив трудоу-стройство, мы с Сергеем заглянули в кафе «Сытый папа», что на Комаровке, выпили по кружке пива и, удовлетворенные текущим днем, простились. Чувство было такое, что мир — кряхтя и мучаясь — начал медленно самоорганизовываться. Политики наверняка думают, что это их заслуга. На самом деле ничьей заслуги нет. Просто старательно преодолеваем беды, которые они раз за разом на нас обрушивают.

Возвращался домой я в хорошем настроении, предвкушая, как сообщу обо всем Кате, — она не знала, чего мне звонил Сергей и куда я отправился, нацепив галстук.

...И тут увидел тех ребят из Шабанов, которых подвозил когда-то. Весе-ленькие они были, пьяноватые.

— Глянь, хлопцы, — сказал один из них, — наш жидок!

Он кинулся ко мне и губастым ртом мокро расцеловал в губы.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)